

Сеймур Хёрш

Цена власти.
Киссинджер, Никсон
и Чили

Сеймур Хёрш

Цена власти.
Киссинджер, Никсон и Чили

оригинал на английском: журнал «The Atlantic
Monthly» / номер за декабрь 1982 г. /

В середине 1960-х годов «проект Чили» считался одним из самых больших успехов ЦРУ. Но 3 сентября 1970 года президентские выборы в Чили совершенно неожиданно для Вашингтона и Лэнгли выигрывает Сальвадор Альенде. Белый дом пришел в ярость. В ход пошел весь вашингтонский инструментарий: финансирование политического оппонента, меры «экономического возмездия» — «сделать так, чтобы экономика завопила», информационно-пропагандистские операции, наем ультраправых головорезов в военных кругах с целью организации военного переворота. Директор ЦРУ Хелмс и его заместители «дошли до края и готовы были идти дальше».

Журналистское расследование Сеймура Хёрша ценно особой глубиной понимания и детальностью описания «чилийского» сценария, заготовленного в Вашингтоне. Подобные исторические «кейсы», ставшие для Вашингтона настоящим бизнесом, поставленным на поток, позволяют лучше понять функционирование, технологии и инструментарий операций Вашингтона сегодня — в частности, против России.

© Перевод с английского А.Ю.Колгашкин

© SeymourHersh, 1982

Originally published in «The Atlantic Monthly»,
December 1982. Reprinted by permission of ICM Partners

© АНО «Институт внешнеполитических исследований
и инициатив», издание на русском языке, 2014

© МИА «Россия сегодня», оригинал-макет, художественное
оформление, 2014

ОБ АВТОРЕ

Сеймур Хёрш (Seymour Hersh) — лауреат многих престижных журналистских премий. Известность пришла к нему в 1969 году: после того, как он рассказал об устроенной солдатами США во вьетнамской деревушке Май Лай бойне, его материалы удостоились Пулитцеровской премии. С той поры он регулярно публиковал компрометирующие статьи о власти предрержащих, основывая свои расследования на источниках в администрации Белого дома. Одна из последних его публикаций — разоблачительная статья о пытках иракских заключенных американскими надзирателями в тюрьме Абу-Грейб.

«Правительства уходят, а Хёрш остается», — пишет о нем испанская газета «Паис». И цитирует слова журналиста: «Я буду танцевать на их могиле, когда все они исчезнут, я буду продолжать писать».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журналистское расследование Сеймура Хёрша «Цена власти. Киссинджер, Никсон и Чили», опубликованное журналом «Атлантик мансли» в 1982 году, сегодня столь же актуально, как и в самые острые периоды «холодной» войны. Несмотря на то, что идеологическое противостояние двух систем было снято ликвидацией Советского Союза, Вашингтон продолжил практику глубокого проникновения в политические круги, экономику и общество других государств, и государственных переворотов. Более того, в отсутствии эффективного противовеса Вашингтон делает это чаще, грубее — и все ближе к границам России.

В середине 1960-х годов «Проект Чили» считался одним из самых больших успехов ЦРУ. Управлению удалось проникнуть во все структуры чилийского правительства, внедриться в политические круги и общество, американские транснациональные корпорации распоряжались природными ресурсами страны — медью — как своими собственными.

Но 3 сентября 1970 года президентские выборы в Чили совершенно неожиданно для Вашингтона и Лэнгли выигрывает Сальвадор Альенде, представитель Социалистической партии. В Белом доме не только поразились, но и пришли в ярость. По словам одного из участников «проекта», директор ЦРУ «Хелмс и его заместители просто не могли смириться с Альенде. Он стал частью их личной вендетты. Они дошли до края и готовы были идти дальше». «Никсон был вне себя», — вспоминал Генри Киссинджер.

В ход пошел весь американский инструментарий: финансирование политического оппонента, экономическая война против страны — «сделать так, чтобы экономика завопила», информационно-пропагандистские операции, наем ультраправых головорезов в военных кругах с целью организации переворота. Верховный главнокомандующий армией Чили генерал Рене Шнайдер — твердый сторонник конституционалистов и препятствие на пути заговорщиков — был расстрелян. Политика «экономического возмездия» предусматривала перекрытие финансовой помощи и займов из как можно большего числа источников, влияние на мировые цены на медь, давление на американский бизнес в Чили и другие меры для того, чтобы «оставить Чили без единого доллара». Все это — в рамках секретного меморандума по реше-

ниям в области национальной безопасности (NSDM) №93 «Политика в отношении Чили».

Расследование Сеймура Хёрша заканчивается событиями ноября-декабря 1970 года. До 11 сентября 1973 — черного дня для Чили, каким стало 11 сентября 2001 года для Америки — оставалось еще почти три года...

Ценность работы Сеймура Хёрша для исследователей сегодня состоит в особой глубине понимания и детальности описания «чилийского» сценария автором. Он подробно рассматривает одну из важнейших операций Вашингтона по дестабилизации государства; демонстрирует внешних и внутренних акторов этого процесса — американские корпорации в стране, Агентство США по международному развитию (USAID), резидентуру ЦРУ, проамериканских политиков внутри страны, ультраправые круги в национальной армии. Рельефно нарисованы вашингтонские игроки и процессы: президент Никсон, советник по национальной безопасности Киссинджер, директор ЦРУ Хелмс и другие. Детально показана внутренняя «кухня» вашингтонской политики, взаимодействие — и противодействие — ведомств: Белого дома, Совета по национальной безопасности, ЦРУ, Пентагона, государственного департамента...

Таких исторические «кейсы» позволяют лучше понять функционирование, технологии и инструментарий нынешних операций Вашингтона — в частности, против России. Подобные эпизоды в мировой истории действительно становятся «кейсами» — для Вашингтона это настоящий бизнес, поставленный на поток. Сегодня, как и в случае Чили, некая группа высокопоставленных деятелей в Вашингтоне разрабатывает комплекс мер против России, принимает секретные меморандумы по решениям в области национальной безопасности (NSDM) — за каким номером? — и обсуждает, насколько далеко они пойдут против России.

Как показывает американская практика, чаще всего верх одерживают наиболее агрессивные и радикальные предложения.

Вероника Крашенинникова

Руководитель Центра международной

журналистики и исследований МИА «Россия сегодня»

Флотский писарь Чарльз Рэдфорд не хотел нового назначения с переводом в Вашингтон, но дело было осенью 1970 года, он служил в ВМС, а его страна вела войну. Вице-адмирал Рембрандт Робинсон выбрал Рэдфорда, которому было 27 лет, на должность своего помощника по секретным вопросам и секретаря аппарата Совета национальной безопасности Белого дома.

Толковый и честолюбивый, Рэдфорд был самым подходящим кандидатом для этой деликатной работы: женат, отец маленьких детей, убежденный мормон, не употребляющий алкоголь и даже не задумывающийся о наркотиках, искренне стремится получить звание офицера флота. Рэдфорд приступил к исполнению своих обязанностей 18 сентября, заменив переведенного на другую работу гражданского секретаря.

В офисе ощутимо витала некая напряженность, что адмирал Робинсон и подтвердил в одной из первых бесед с Рэдфордом. Последний вспоминал: «Он подчеркнул, что я должен быть предан лично ему, он рассчитывает на мою преданность, кроме того, за стенами офиса я не должен говорить, о том, чем я занимаюсь».

Адмирал Робинсон был офицером связи между Объединенным комитетом начальников штабов и Советом национальной безопасности. Его сотрудники занимались весьма щекотливыми вопросами: через них обычным порядком проходили наиболее секретные документы Белого дома, включавшие, в том числе, и разведывательные донесения. К середине 1970-х годов Генри Киссинджер, занимавший пост советника по национальной безопасности в администрации президента Ричарда Никсона, полностью уверовал в осмотрительность и преданность Робинсона.

Поэтому совершенно неудивительно, что Робинсон принимал активное участие в секретных операциях Киссинджера и Никсона против чилийского президента Сальвадора Альенде Госсенса. Его победа на выборах 4 сентя-

бря 1970 года, хотя он и набрал всего 36,6 процента голосов, ошеломила ЦРУ и Белый дом.

Рэдфорд, приступивший к работе на новом месте всего лишь через несколько недель после выборов в Чили, живо вспоминает кризисную обстановку тех дней: «Этого не должно было произойти. Это был настоящий удар. Совершенно неожиданно тесто вылезло из формы и залило плиту». Адмирал Робинсон и его руководители «заламывали руки так, как будто чилийцы были потерявшимися детьми», замечает он. В течение следующих нескольких недель, как вспоминает Рэдфорд, пока бюрократия пыталась воспрепятствовать Альенде занять свой пост, он видел много меморандумов и предложений весьма деликатного свойства. Среди прочего предлагалось устроить покушение на Альенде.

Один из документов «рассматривал различные способы сделать это», рассказывает Рэдфорд. «Или это должен был сделать кто-то в стране, или мы должны были сделать это сами, — поясняет он. — Я был потрясен, я был в ужасе. Мне так это врезалось в память, ведь впервые в жизни я понял, что мое правительство активно занималось планированием убийств».

Эти предложения были подготовлены для Никсона в течение нескольких недель после победы Альенде на выборах. «В них обсуждались различные способы вывести его из игры», — продолжает Рэдфорд. Убийство рассматривалось в качестве одного из путей достижения цели. «Не помню, использовали ли они слово «покушение», но говорилось о необходимости «избавиться от него», «положить этому конец», он «должен был уйти», — говорит он.

К середине 1960-х годов Чили получило широкую известность в американском разведывательном сообществе как один из самых больших успехов ЦРУ. Управлению удалось проникнуть во все структуры чилийского правительства, внедриться в политические круги и общество. Именно ЦРУ ставилось в заслугу то, что Чили оставалось демократическим государством, поощрявшим американские транснациональные корпорации вести дела на своей территории. Объем участия американских корпораций в экономике страны был, однако, постоянной темой политических дебатов, превратившись к концу десятилетия в критический политический вопрос. Он столкнул чилийских правых, поддерживавших американскую политику извлечения доходов из

страны, с левыми, которые организовывали все более шумные забастовки и демонстрации против американских фирм. Чили было мировым лидером по добыче меди, однако 80 процентов добываемого сырья, или 60 процентов всего чилийского экспорта, находилось в руках крупных корпораций, контролируемых США, наиболее известными из которых были «Анаконда» и «Кеннекотт коппер». Их доходы были огромны: например, в течение 1960-х годов «Анаконда», вложив, по своим собственным, завышенным оценкам, 300 миллионов долларов в разработку расположенного в Чили крупнейшего в мире медного карьера, заработала 500 миллионов.

По мнению творцов американской политики, самой серьезной угрозой чилийской демократии был Альенде, член Социалистической партии, безуспешно баллотировавшийся в президенты в 1958 и 1964 годах. Его предвыборная платформа предусматривала земельную реформу, национализацию крупнейших промышленных предприятий — в особенности в производстве меди, более тесные отношения с социалистическими и коммунистическими странами, перераспределение доходов. Проблема неравенства доходов была критически важна для избирательных кампаний Альенде: исследования показали, что к 1968 году на 28,3 процента беднейшего населения страны приходилось всего 4,8 процента национального дохода, в то время как 2 процента на вершине социальной лестницы получали 45,9 процентов.

На президентских выборах 1958 года Альенде уступил менее 3 процентов архиконсерватору Хорхе Алессандри Родригесу, активно выступавшему в защиту крупного бизнеса и пользовавшемуся мощной поддержкой американских корпораций. Ни Альенде, ни Алессандри не получили абсолютного большинства голосов, поэтому, в соответствии с конституцией Чили, окончательное решение принималось конгрессом страны, который и проголосовал за Алессандри. Несмотря на помощь со стороны ЦРУ, Алессандри и его Национальная партия в течение последующих шести лет неуклонно теряли свою популярность. В результате президентские выборы 1964 года свелись к борьбе между Альенде и Эдуардо Фреем — либералом, представлявшим Христианско-демократическую партию, которая занимала проамериканские позиции и была намного предпочтительнее для бизнеса, нежели коалиция Альенде.

Воздействие США на выборы 1964 года было «шире, чем это признавалось публично». По меньшей мере, 20 миллионов долларов в поддержку Фрея —

приблизительно по 8 долларов на каждого избирателя — были «влиты» в Чили в 1963 и 1964 годах. Основная масса этих средств поступила через Агентство США по международному развитию — АМР. Миллионы долларов из фондов АМР и ЦРУ, с ведома чилийского и американского правительств, были направлены в организации римско-католической церкви по всей стране. Их целью было противодействие распространению идей протестантизма и коммунизма. Фрей победил уверенно, получив 56 процентов голосов. Прекрасно осведомленный об источниках финансирования своей кампании, Фрей получал также тайную помощь от группы американских корпораций, известных как «Латиноамериканская бизнес-группа». Она была создана в 1963 году Дэвидом Рокфеллером, президентом «Чейз Манхэттен бэнк», по срочной просьбе президента Джона Кеннеди, руководившего борьбой своей администрации с режимом Фиделя Кастро и распространением идей коммунизма в Латинской Америке. В состав исполнительного комитета группы входили такие известные представители крупных корпораций, как президент совета директоров «Анаконды» Джей Паркинсон, руководитель компании «ITT» — «Интернэшнл телефон энд телеграф», владевшей и оперировавшей телефонной сетью Чили — Гарольд Дженин, а также Дональд Кендалл, председатель «Пепсико», очень активно работавший в странах Латинской Америки.

Основной чилийской связью, как для ЦРУ, так и для американских корпораций была организация Августина Эдвардса, близкого друга Кендалла, владельца консервативной чилийской газеты «Меркурио». Она также являлась центром оппозиции Альянде и левым силам. ЦРУ и «Латиноамериканская бизнес-группа», к 1970 году реорганизованная в «Совет Америк», в значительной степени зависели от Эдвардса, его организации и связей в работе по вбросу своих средств в президентскую кампанию 1964 года. Целый ряд контактов, установленных между бизнес-группой и ЦРУ в 1964 году, продолжали действовать и долгое время после выборов. Например Энно Хоббинг, сотрудник ЦРУ, изначально прикомандированный к бизнес-группе в качестве офицера связи, в конце концов ушел из ЦРУ, чтобы занять пост члена исполнительного совета «Совета Америк».

Самым серьезным вопросом для американских корпораций была угроза возможной национализации их высокодоходных дочерних компаний в Чили. Приход к власти Альянде неизбежно означал национализацию. Фрей, в Христианско-демократической партии которого также были

фракции, настаивавшие на национализации, внушал больше надежд. Одним из основных его предвыборных обещаний было компромиссное решение, известное как «чиленизация»: закупка государством крупных пакетов акций чилийских «дочек» американских медных компаний. К 1967 году режим Фрея купил 51 процент чилийской корпорации «Кеннекотт» и 25 процентов «Анаконды». Передача акций новым владельцам происходила после переговоров с компаниями, которые впоследствии продолжали приносить высокие прибыли своим американским владельцам. Реформы Фрея не затронули других отраслей экономики, и в течение всех 1960-х годов в Чили отмечался рост активности американских предпринимателей.

Политическое давление со стороны левых росло. Режим Фрея в 1969 году возобновил переговоры с «Анакондой», пытаясь начать обсуждение перспектив полной национализации — единственного решения, которое позволило бы государству получить контроль над огромными прибылями, на чем настаивали более решительные сторонники Христианско-демократической партии.

В годы правления Фрея ЦРУ продолжало совершенно свободно работать на всей территории страны, стремясь, в первую очередь, подавить политическую активность левых. Согласно опубликованному докладу комитета по разведке сената США, проводившего в 1975 году подробное расследование деятельности ЦРУ, на территории Чили в период с 1964 по 1969 год было проведено не менее двадцати операций, большая часть которых была направлена на поддержку на выборах в чилийский конгресс умеренных и консервативных кандидатов. К концу 1960-х годов отношения между ЦРУ и правительством Фрея серьезно натянулись. Глава резидентуры в Сантьяго Генри Хекшер был убежден в том, что Фрей и его Христианско-демократическая партия совершают опасный крен влево. Хекшер, будучи ярким антикоммунистом, непрерывно требовал от руководства ЦРУ изменить политику и, отойдя от поддержки Фрея, сделать ставку на Алессандри, который собирался вновь выставить свою кандидатуру на выборах 1970 года. В соответствии с законодательством, Фрей не мог занимать свой пост несколько сроков подряд. Хекшер и другие опасались, и, как выяснилось, справедливо, что христианские демократы, все явственнее разделявшиеся на два лагеря в результате проводимой Фреем политики, в 1970 году выдвинут еще более прогрессивного

кандидата. Если у ЦРУ еще не было необходимых доказательств «полевения» партии, то Фрей предоставил их, восстановив в 1969 году торговые отношения с Кубой.

Ричард Никсон занял свой пост, испытывая глубокую неприязнь к Эдуардо Фрею. Эта неприязнь объяснялась как сползанием Фрея влево, так и его робкими попытками национализировать американские медные компании в конце 1960-х годов. Но у Никсона была и другая причина. Фрей был человеком Кеннеди и «джорджтаунской» группировки в ЦРУ.

Под подозрением оказался и посол США в Чили Эдвард Корри. Бывший газетчик с безупречной антикоммунистической репутацией, Корри был назначен Кеннеди в 1963 году послом в Эфиопию, а с 1967 года занял аналогичный пост в Чили. В декабре 1968 года, через месяц после избрания Никсона, ЦРУ опубликовало посвященную Чили национальную разведывательную оценку. В документе содержалась критика проводимой правительством Фрея экономической и социальной политики, преуменьшавшая, по мнению Корри, важность демократии для Чили.

Заняв президентское кресло, Никсон быстро продемонстрировал свое отношение к правительству Фрея, вычеркнув того из подготовленного государственным департаментом списка зарубежных лидеров, которых предполагалось принять в Вашингтоне. Никсон также приказал продолжить сокращение американской помощи Чили, составившей за период с 1962 по 1969 свыше одного миллиарда долларов: в пересчете на душу населения это была крупнейшая подобная программа, реализовывавшаяся в Латинской Америке. Умышленно или нет, подобные шаги Белого дома ослабили позиции умеренных в Христианско-демократической партии Фрея, в то же время укрепив антифреевскую позицию ЦРУ в Сантьяго. Все более частыми и жесткими по тону становились публиковавшиеся «Меркурио» нападки консерваторов и правых на правительство. Это способствовало дальнейшей поляризации политических сил внутри страны. Правительство Фрея сместилось еще левее. Когда Корри пожаловался на окончательную отмену одной из программ помощи объемом в 20 миллионов долларов, интенсивные переговоры о проведении которой велись в течение 5 месяцев, ему было сказано, что новый президент готов принять отставку своего посла — это было уведомление об увольнении. Только после просьбы вновь назначенного помощника государ-

ственного секретаря по Латинской Америке Чарльза Мейера, как вспоминает Корри, ему было позволено продолжить работу в Чили и поручено вести с правительством Фрея переговоры о будущем медных компаний. Корри достаточно цинично оценил мотивы Никсона, побудившие того принять подобное решение. В случае, если бы христианские демократы продолжили реализовывать свои планы национализации, Никсон успокоил бы представителей бизнеса, быстро превратив Корри — оставшийся от демократов пережиток — в козла отпущения за случившееся.

Правительство Фрея не стремилось повысить свою популярность в Белом доме. В начале 1969 года Фрей отменил планировавшийся визит в Чили Нельсона Рокфеллера. Визит, как часть широко освещавшегося турне губернатора штата Нью-Йорк по Латинской Америке был, как публично утверждалось, предпринят по срочному пожеланию президента Никсона. Он должен был служить демонстрацией неких симпатий между представляемыми Никсоном и Рокфеллером крыльями республиканской партии. Отмена визита, предопределенная урезанием помощи, была расценена как еще одно доказательство растущего левого уклона правительства Фрея. Даже Корри официально выступил против этого визита, поскольку был уверен, что появление Рокфеллера спровоцирует крупномасштабные антиамериканские демонстрации. До середины 1970-х годов Корри и Фрей в своих отношениях с Белым домом вынуждены были прибегать к своего рода дублированию. «Любая инициатива, выдвинутая Фреем, должна было превращаться в мое предложение, — вспоминает Корри. — В противном случае, как мы полагали, оно было бы автоматически проигнорировано или обращено против Фрея».

Все сомнения относительно положения правительства Фрея в Вашингтоне были развеяны после неожиданной стычки лицом к лицу между Никсоном и министром иностранных дел Чили Габриэлем Вальдесом. Это произошло на проходившей в июне 1969 года в Белом доме встрече послов стран Латинской Америки. Вальдес, представитель аристократического чилийского семейства, воспользовался случаем, чтобы превратить официальную церемонию в своего рода семинар о политике взаимоотношений Севера и Юга. В своих воспоминаниях о годах президентства Альенде дипломат Армандо Урибе, работавший в посольстве Чили в Вашингтоне пишет, что Вальдес должен был представить Никсону официальное политическое заявление по коммерческим и финансовым вопросам. Но затем, вспоминает Урибе, «он начал

говорить о невозможности работать с США в рамках существующей структуры межамериканских отношений. Слишком велико было различие в могуществе... Никсон был застигнут врасплох... Скрывая свое раздражение, Никсон выслушал Вальдеса, затем сосредоточился, прикрыл глаза, став непроницаемым, отстраненным. Киссинджер нахмурился».

Вальдес вспоминает о своей импровизированной речи как о «самом сложном моменте в моей жизни». Он прибыл в Белый дом вместе с другими официальными представителями Латинской Америки, зная, что государственный департамент противился его визиту. В ходе своего выступления, говорит Вальдес, он сказал Никсону, что на каждый доллар американской помощи Латинская Америка возвращала в США 3,8 доллара. Никсон прервал его, чтобы опровергнуть это утверждение. Вальдес возразил, что взял свои данные из исследования, подготовленного одним из крупнейших американских банков. «Когда я говорил, Киссинджер смотрел на меня так, будто бы я был каким-то неизвестным животным», — замечает Вальдес. На следующий вечер Киссинджер попросил организовать ему конфиденциальный обед с Вальдесом в посольстве Чили.

Встреча была неприятной. Описывая ее, Вальдес вспоминает, что Киссинджер начал с заявления: «Господин Вальдес, вы произнесли очень странную речь. Вы пришли сюда говорить о Латинской Америке, но это не важно. Ничего важного с Юга прийти не может. История никогда не делалась на Юге. Ось истории начинается в Москве, идет в Бонн, далее в Вашингтон и заканчивается в Токио. Происходящее на Юге не представляет никакого интереса. Вы напрасно тратите свое время».

«Господин Киссинджер, вы ничего не знаете о Юге», — вспоминает свой ответ Вальдес. «Не знаю, и не желаю знать», — парировал Киссинджер. В этот момент удивленный и оскорбленный Вальдес сказал Киссинджеру: «Вы немец, такой, какими их представлял Вагнер. Вы очень заносчивый человек». Позже, к своему замешательству, Вальдес узнал, что Киссинджер — немецкий еврей, и предположил, что серьезно оскорбил его. Одним из мотивов, побудивших Киссинджера организовать этот обед, было совершенно отчетливое желание отомстить за ущерб, нанесенный чести президента Никсона. Он хотел нанести удар министру иностранных дел, осмелившемуся сказать президенту нечто такое, чего тот не хотел слышать. Корри, все еще находившийся в Сантьяго, был проинформирован о том, что Никсон был «очень рассержен

заносчивым и вызывающим» нравоучением Вальдеса. «Вальдес переступил оговоренные границы», — говорит Корри.

В инциденте с Вальдесом в значительной степени проявилось отношение Белого дома к Латинской Америке: ее должно было быть видно, но не слышно — словно ребенка. С игнорировавшими Никсона — такими, как Вальдес, Фрей, а позже Альенде — следовало поступать жестко. В своих мемуарах Никсон посвятил Чили всего несколько абзацев, пару сотен слов. О своей латиноамериканской политике в годы президентства он не сказал вообще ничего. В мемуарах Киссинджера есть большая глава о Чили, оправдывающая его действия, однако никак не затрагивающая политику администрации и проблемы, с которыми ей пришлось сталкиваться на Юге. Как пишет Киссинджер, до 1970 года, когда он оказался вовлеченным в планирование действий, направленных против Альенде, «у меня не было никакого собственного опыта в отношениях с регионом Латинской Америки». Возможно, это и так, но, начиная со своих первых месяцев в администрации Никсона, он четко следовал основам внешней политики США: Латинской Америке следует позволять как можно меньше независимости.

К моменту своего прихода в администрацию Никсона Киссинджер был далеко не новичком в секретных разведывательных операциях. После Второй мировой войны он служил в армейской контрразведке на территории оккупированной Западной Германии, в подразделении, в число задач которого входила вербовка бывших офицеров нацистской разведки для проведения антисоветских операций на территории стран, входивших в восточный блок. Когда в 1947 году, будучи 24-летним офицером запаса, он поступил в Гарвард, то связи с военной разведкой сохранил. К 1950 году, окончив учебу, по совместительству работал советником отдела оперативных исследований министерства обороны. Киссинджер стал одним из первых выпускников Гарварда, которые стали совершать челночные поездки в Вашингтон. Отдел находился в непосредственном подчинении Объединенного комитета начальников штабов и занимался строго засекреченными исследованиями, такими, как использование в интересах ЦРУ бывших немецких оперативников и тайных сторонников нацистской партии. В 1952 году Киссинджер занял должность консультанта директора Бюро психологической стратегии — оперативного подразделения Совета национальной безопасности, занимавшегося тайными психологическими и военизированными операциями.

В 1954 году президент Дуайт Эйзенхауэр назначил Нельсона Рокфеллера своим специальным помощником по вопросам планирования мероприятий «холодной войны». Этот пост подразумевал утверждение секретных операций ЦРУ и контроль за их проведением.

То были дни успехов ЦРУ в Иране, где был восстановлен на престоле шах, и в Гватемале, где было свергнуто считавшееся антиамериканским и настроенным против крупного бизнеса правительство Хакобо Арбенса. В 1955 году Киссинджер, уже известный осведомленным людям как лицо, близкое к Рокфеллеру, и специалист, на мнение которого Рокфеллер полагался, был назначен советником Оперативного координационного комитета — высшего политического органа, ответственного за реализацию нелегальной деятельности против иностранных правительств.

Киссинджер мало рассказал и написал о своем участии в руководстве секретными операциями начала 1950-х годов. В своих интервью бывшие сотрудники разведки вспоминали, что молодой ученый из Гарварда еще до того, как получил назначение от Рокфеллера, привлек внимание Аллена Даллеса, влиятельного директора ЦРУ при президенте Эйзенхауэре. Один из них вспоминает: «Его высоко ценили. Аллен рассказывал о своих встречах с ним. Он и Уолт Ростоу (предшественник Киссинджера на посту советника по вопросам национальной безопасности, затем профессор Массачусетского технологического института) были своего рода командой». Малоизвестным является тот факт, что Ричард Никсон, тогда вице-президент, в 1955 году сменил Рокфеллера на посту советника президента по вопросам планирования операций «холодной войны». Не существует свидетельств того, встречался ли в это время Никсон с Киссинджером, однако многие осведомленные люди утверждают, что Никсон с высокой долей вероятности был знаком с деятельностью Киссинджера в этой области. К 1956 Киссинджер работал директором проекта специальных исследований Фонда Рокфеллеров в Нью-Йорке.

Вскоре после прихода в администрацию Никсона Киссинджеру удалось установить практически полный контроль над разведывательным сообществом. Его бюрократическим инструментом стала группа высокопоставленных чиновников, известных как «Комитет 40» — названный так по номеру решения Совета национальной безопасности, которым он был учрежден — председателем которого официально являлся Киссинджер. В число шести его членов

входили министр юстиции Джон Митчелл, директор Центральной разведки Ричард Хелмс, председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал Томас Мурер, представитель государственного департамента Алексис Джонсон и Дэвид Паккард, заместитель министра обороны Мелвина Лэйрда. Теоретически «Комитет 40» отвечал за одобрение всех секретных операций ЦРУ. Он также отслеживал многообразную разведывательную деятельность вооруженных сил. Однако на практике Киссинджер и Никсон относились к «Комитету 40» совершенно так же, как и ко всей остальной бюрократической машине — как к еще одной службе, которую можно по желанию либо использовать, либо игнорировать. ЦРУ тоже с осторожностью допускало посторонних к информации о своих текущих делах. Например, обширные контакты Управления с сотрудниками «ИТТ» по всей Латинской Америке, а особенно в Чили, тщательно скрывались от «Комитета 40». Как утверждали в ЦРУ, предполагалось, что членам комитета «незачем знать» о них, хотя в итоге перед выборами 1970 года эта компания играла в Чили очень важную роль.

Любые отчеты о ситуации сильно затрудняются тем фактом, что наиболее щекотливые решения в разведывательной области не фиксируются на бумаге. Что касается событий 1970 года в Чили, то после того, как комитет сената по разведке и министерство юстиции в 1975 и 1976 годах начали их полномасштабное расследование, многие существовавшие документы, даже те, что находились в правительственных архивах, были от них утаены. Исходя из документов, позже обнародованных в рамках закона о свободе информации, в какой-то момент у прокуроров министерства юстиции создалось впечатление, что Киссинджер сохранил свои собственные протоколы заседаний «Комитета 40», более подробные, нежели официальные, те, которые были обычным порядком разосланы в ЦРУ и другие заинтересованные агентства. (Впоследствии адвокат Киссинджера Уильям Роджерс от имени своего клиента отрицал наличие подобных личных файлов, касающихся деятельности комитета). Документы «Комитета 40», по крайней мере, те, что были представлены ЦРУ различным группам исследователей, свидетельствуют, что в период с апреля 1969 по сентябрь 1970 года вопрос о выборах в Чили обсуждался, по меньшей мере, четыре раза. В апреле 1969 года ЦРУ предупреждало, что масштабная кампания по воздействию на выборы 1970 года окажется безуспешной в случае, если резидентура в Сантьяго не начнет набирать агентов в различных политических партиях. Как показывают записи, никаких

активных действий не предпринималось до заседания «Комитета 40» 25 марта 1970 года, на котором было принято решение о выделении 135 тысяч долларов на пропагандистскую работу против Альенде. 27 июня комитет одобрил выделение 300 тысяч долларов на предвыборные акции, направленные против Альенде. Именно на этом заседании Киссинджер сообщил, что поддерживает направленные против Альенде действия, сказав: «Не вижу, почему мы должны оставаться в стороне и смотреть, как страна становится коммунистической благодаря безответственности своего собственного населения».

Однако государственный департамент — в отличие от ЦРУ — на этой ранней стадии обычно выступал против активного вмешательства в ход президентских выборов в Чили. Например, 27 июня обсуждался вопрос о выделении дополнительных 500 тысяч долларов по статье «Непредвиденные расходы». Изначально Корри предложил использовать эти средства для покупки голосов в чилийском конгрессе, поскольку предполагалось, что выборы 4 сентября принесут равное количество голосов Альенде, выступавшему от блока «Народное единство» и Алессандри — ставленнику ЦРУ, корпораций и Белого дома. Когда против этого выступили некоторые сотрудники государственного департамента, решение отложили до оглашения результатов выборов. Один из чиновников, посещавших ранние совещания в качестве старшего помощника Алексиса Джонсона, вспоминает, что тот рассматривал операции против Альенде как «глупые» усилия: «Предполагается, что мы должны положиться на людей, которыми мы совершенно не можем управлять. Мы делаем нечто, заслуживающее порицания и аморальное. Зачем так рисковать?» Первоначально преобладали именно подобные взгляды, но, по мере того, как возрастала озабоченность Белого дома, Джонсона все реже стали приглашать на заседания «Комитета 40».

В то же время в марте и июне 1970 года комитет одобрил серию операций, которые должны были скомпрометировать Альенде. С помощью средств массовой информации и правых групп гражданского общества были выдвинуты будоражающие общественное мнение обвинения в адрес Альенде и его коалиции. Под руководством ЦРУ и медиаимперии Эдвардса рассылались информационные бюллетени, печатались буклеты, распространялись плакаты, рисовывались стены. Избрание Альенде приравнивали к таким событиям, как вторжение советских войск в Прагу в 1968 году и приписываемое режиму Кастро использование расстрельных команд. Как следует из данных, собранных

комитетом по разведке сената США, к 1970 году ЦРУ субсидировало деятельность двух телеграфных агентств и правой еженедельной газеты, взгляды которой были столь крайними, что «отпугивали сознательных консерваторов».

Корри отмечает, что, хотя он сам предлагал реализовать пропагандистские программы, вскоре разочаровался в их эффективности и даже начал противодействовать ЦРУ. В письменном виде он раскритиковал подобные операции, расценив их как контрпродуктивные, и, в конечном итоге, «приносящие голоса Альенде».

Несмотря на жалобы Корри, летом 1970 года — в Чили, естественно, в это время была зима — в администрации Никсона не испытывали никакой тревоги, до самого дня выборов ЦРУ уверенно предсказывало убедительную победу Алессандри. Свои предположения агентство основывало на результатах опросов, проведенных организацией Августина Эдвардса, базировавшихся на устаревших данных переписи 1960 года. Эдвардс стал более чем когда-либо важной фигурой для ЦРУ в Чили. Хекшер рекомендовал, чтобы выделенные 27 июня 300 тысяч долларов были переправлены в Чили именно через его организацию. Он утверждал, что у ЦРУ нет другого проверенного «агента», обладающего талантами и осторожностью Эдвардса. Он владел тремя ежедневными газетами в Сантьяго, и его бизнес-интересы постоянно расширялись. Он был связан с братьями Левер, создателями компании «Юнилевер», и «Пепси-колой», владел одним из наиболее прибыльных зернохранилищ и крупной птицефермой. В начале лета проводимые им опросы показали, что за Алессандри проголосует 50 процентов избирателей, и, таким образом, необходимость в дополнительных выборах, которые проводит сенат, отпадет.

Подобные предсказания не успокоили американские деловые круги. Еще весной 1970 года они попытались убедить администрацию Никсона объединить усилия, как это уже было сделано при президенте Джонсоне в 1964 году с тем, чтобы гарантировать победу нужного кандидата, но получили категорический отказ. В апреле, судя по документам, предоставленным Корри, члены «Совета Америк» обратились в государственный департамент с предложением выделить, по меньшей мере, 500 тысяч долларов на предвыборную кампанию Алессандри. Небольшая делегация членов совета, включавшая Джея Паркинсона из «Анаконды», решила передать свое предложение через Чарльза Мейера. Мейер, ранее занимавший ответственный пост в компании

«Сирс энд Робак», был правильным выбором. Он занимался делами своей компании в Латинской Америке и был активным членом совета. Корри вспоминает, что Мейер, вскоре после того как он занял пост в государственном департаменте, в ходе неофициального завтрака для членов совета сказал, что был «выбран» на это место «лично Дэвидом Рокфеллером». Предложение денег советом сопровождалось одним условием: средства будут переведены только в том случае, если, как и в 1964 году, ЦРУ также вложит значительные суммы в кампанию Алессандри. Мейер передал предложение Корри, который сильно возражал против него в секретной телеграмме в Вашингтон. Корри предупреждал: подобное вмешательство будет невозможно скрыть, и если о нем станет известно, Соединенным Штатам грозят серьезные проблемы. Он также заверял, что всякое открытое противодействие американцев христианским демократам, чей кандидат Радомиро Томич Ромеро по итогам опросов занимал третье место, «несомненно, вызовет отрицательную реакцию, которая повредит как текущим, так и долгосрочным интересам Соединенных Штатов». Противодействие Корри оказалось эффективным, и государственный департамент отклонил предложение совета.

Начиная с весны 1970 года, в глазах как ЦРУ, так и американских корпораций Корри выглядел все более непредсказуемым. Он был ярким антикоммунистом и ярким противником Альенде. Его зажигательные телеграммы, предупреждавшие об угрозах, которые нес с собой Альенде для интересов национальной безопасности США, из-за своего драматизма стали своего рода легендой в стенах государственного департамента. Один из его сотрудников вспоминает брифинги Корри о ситуации в Чили: «Это было просто ужасно. Если ты не верил в излагаемую Корри концепцию свободного предпринимательства, ты мгновенно превращался в коммуниста». Тем не менее, Корри непреклонно контролировал всю деятельность ЦРУ в возглавлявшемся им посольстве. Он категорически исключил какие-либо контакты между ЦРУ и теми чилийскими военными, которые собирались устроить в случае победы Альенде государственный переворот. Корри и Хекшер, находившийся в жесткой оппозиции не только к Альенде, но и к режиму Фрея, с трудом работали вместе — причем это, похоже, осознавал только Хекшер. Один из оперативников ЦРУ, действовавших в то время в Латинской Америке, вспоминает, что Корри и Управление «работали «на разных волнах». Это был сложный посол». Хотя Корри с радостью одобрил идею ЦРУ о масштабной пропагандистской кампании в Чили для предот-

вращения «дрейфа влево», он настаивал, что эта пропаганда по самой своей природе должна быть антикоммунистической, а не работать в поддержку Алессандри, как ее видели Хекшер и его руководство в Вашингтоне.

«ITT» и ее президент Гарольд Дженин все еще были полны решимости финансировать кампанию Алессандри. Однако Дженин, который явно был в курсе отрицательной реакции Корри на апрельские предложения совета, предпочел обойти посольство США в Сантьяго и работать напрямую с самыми высокопоставленными лицами в Вашингтоне. Посредником Дженина стал его хороший приятель Джон Маккоун, директор ЦРУ при президентах Кеннеди и Джонсоне. В 1970 году он был директором «ITT», а его жена — одним из основных акционеров «Анаконды». В мае-июле Маккоун неоднократно обсуждал с Хелмсом ситуацию в Чили. По крайней мере, две встречи состоялись в штаб-квартире ЦРУ (Маккоун все еще был консультантом Управления), а одна — дома у Маккоуна в Сан-Марино, штат Калифорния. Свидетельствуя в 1973 году перед подкомитетом по многонациональным корпорациям комитета сената США по международным отношениям, Маккоун показал, что узнал от Хелмса о том, что «Комитет 40» и Белый дом решили: ЦРУ не будет реализовывать в Чили никаких программ в поддержку Алессандри. Это решение, очевидно, основывалось как на признании противодействия со стороны Корри, так и на оптимистических результатах опросов общественного мнения.

Впоследствии, в своем итоговом отчете подкомитет сената заключил, что по предложению Маккоуна Хелмс организовал в июне встречу Дженина и Уильяма Брое, который в тот период руководил секретными операциями ЦРУ в Латинской Америке. Во время этой встречи, как позднее заявил подкомитету Брое, Дженин предложил сделать «значительный» вклад в кампанию Алессандри, если этими деньгами будет распоряжаться ЦРУ. Однако подкомитет так и не выяснил принципиально важного факта: встреча Дженина и Брое была инициирована не Маккоуном, а Хекшером. Он, действуя за спиной Корри, встретился с сотрудниками «ITT» и сообщил им имя чилийца, который мог послужить безопасным каналом для передачи средств компании.

Информация о роли Хекшера, в конечном итоге, стала известна сенатскому комитету по разведке, однако была удалена из печатной версии отчета. То, что подкомитету не удалось узнать о роли Хекшера, свидетельствует о том,

как далеко могут пойти такие высокопоставленные лица, как Хелмс и Брое чтобы защитить Гарольда Дженина и его корпорацию, а в лице Дженина — и Киссинджера с Никсоном. Хелмс и Брое могли успокоить свою совесть, объяснив свои неполные и вводящие в заблуждение показания интересами национальной безопасности и защитой «источников и методов работы» ЦРУ — обычной присказкой, позволяющей избегать обсуждения грязных дел Управления. Труднее понять готовность комитета сената по разведке позволить ЦРУ предварительно просмотреть и подвергнуть цензуре его итоговые отчеты, и в процессе этого удалить из документов все, касающееся роли Хекшера и Августина Эдвардса.

Ключевыми контактами Хекшера в «ИТТ» были Гарольд Хендрикс и Роберт Береллес, два высокопоставленных сотрудника компании, у которых были установлены давние и близкие отношения с резидентурой Управления в Сантьяго. Эти представители «ИТТ» рассматривались ЦРУ в качестве «ценного актива», им были даже присвоены специальные псевдонимы, которыми их именовали в секретной переписке Управления. Подкомитет по межгосударственным делам сената, заслушав показания под присягой Дженина, Брое, Маккоуна и других, не смог найти доказательств того, что «ИТТ» действительно предоставляла какие-либо средства. Береллеса и другого старшего вице-президента «ИТТ» позднее обвиняли в препятствовании разбирательству, ложных заявлениях и лжесвидетельствах в ходе дачи показаний в подкомитете по межгосударственным делам. Федеральная коллегия присяжных также проводила расследование в отношении Гарольда Дженина, однако обвинение ему так и не было предъявлено. Министерство юстиции, в конечном итоге, сняло обвинения с Береллеса и другого руководителя «ИТТ». Хелмс в 1977 году признал свою вину в лжесвидетельстве перед подкомитетом.

На деле, Дженин летом 1970 года санкционировал, по крайней мере, один крупный перевод денег от «ИТТ» на поддержку предвыборной кампании Алессандри. Сумма составляла не менее 350 тысяч долларов, сведения о платеже не разглашались до 1976 года, когда они были обнаружены сенатским комитетом по разведке. Дженин продолжал отрицать какое бы то ни было вмешательство «ИТТ» в чилийскую политику.

Предложение Дженина создало прецедент для будущей деятельности по противодействию Альенде в течение всего лета и осени. Хекшер и его

коллеги в Сантьяго сознательно участвовали в политических акциях, которые были целенаправленно отвергнуты Корри и «Комитетом 40». Прямых свидетельств того, что Киссинджер и Никсон были в курсе поддержки со стороны «ИТТ», выявить не удалось, однако несомненно, что некоторые высокопоставленные сотрудники Белого дома просто обязаны были об этом знать. Невежливо, чтобы ЦРУ, совершенно обоснованно опасаясь пойти против воли Белого дома, указало «ИТТ» способ перевода денег в Чили, не получив на то предварительного одобрения. В августе 1970 года Чарльз Колсон случайно встретился с Гарольдом Дженином в офисе Джона Эрлихмана. По воспоминаниям Колсона, он совершенно не удивился, узнав от Дженина, что «ИТТ» «направляло деньги, чтобы помочь нам» в Чили. «Дженин был очень доволен своими совместными действиями с ЦРУ, — добавил Колсон. — Он похвалялся деньгами, которые дал Управлению».

Деньги «ИТТ» не помогли. Удар состоялся 4 сентября. Альянде, вопреки результатам опросов общественного мнения, выиграл выборы. Из 3 миллионов голосовавших на выборах за Альянде было подано на 39 тысяч голосов больше, чем за его соперника. Это сделало неизбежным дополнительное голосование по кандидатурам Альянде и Алессандри в чилийском конгрессе, назначенное на 24 октября. В случае если бы история повторилась, Альянде, как победителю общенародных выборов, было бы суждено выиграть и это голосование.

Реакцией Вашингтона было не просто отчаяние. Там были в ярости из-за того, что Альянде разрушил планы американских политиков. В половине седьмого утра в субботу, 5 сентября, Ричард Хелмс и группа ключевых сотрудников ЦРУ ринулись в оперативный центр Управления, с тем, чтобы ознакомиться с результатами выборов. Один из сотрудников, находившихся в это время на дежурстве, вспоминает о настроении Хелмса и его коллег: «ЦРУ в Чили только что ткнули носом в грязь. Вся наша репутация зависела от того, сможем ли мы победить Альянде. Проигрыш Алессандри нанес удар как по репутации ЦРУ (в Белом доме), так и по престижу Управления». Сотрудник ситуационного центра, в течение нескольких последующих месяцев отслеживавший обмен совершенно секретной информацией между Сантьяго и Вашингтоном, добавляет: «Хелмс и его заместители просто не могли смириться с Альянде. Он стал частью их личной вендетты. Они дошли до края и готовы были идти дальше».

Корри также был расстроен. Он отправил телеграмму, в которой аллегорически сообщал, что «слышит у себя под окном лязг танковых гусениц», ибо социализм Альенде начал устанавливать контроль над Чили. «Мы потерпели тяжелое поражение, — писал он. — Оно будет иметь как внутренние, так и международные последствия». Киссинджер вспоминает, что, читая доклад Корри, Никсон, среди прочих, подчеркнул и это предложение. Однако среди фраз, оставшихся неподчеркнутыми, была и такая: «Нет оснований полагать, что вооруженные силы Чили развяжут гражданскую войну, или что победе Альенде на выборах 24 октября помешает какое-то чудо».

Киссинджер и Никсон и слышать об этом не хотели. «Никсон был вне себя», вспоминает Киссинджер и добавляет, что тот обвинял государственный департамент и Корри в «существующем положении дел». В планировании будущих шагов по разрешению чилийского кризиса, говорит Киссинджер, Никсон «хотел как можно меньше прибегать к помощи бюрократии». Киссинджер избегает упоминания о том, что он сам также был вне себя и, точно также как и Никсон, хотел обойтись без бюрократии.

Существуют убедительные доказательства того, что жесткая позиция Никсона по отношению к Альенде преимущественно была вызвана его озабоченностью судьбой американских корпораций, активы которых, как он полагал, будут захвачены новым правительством Чили. Американские разведывательные агентства быстро осудили распространение марксизма в Латинской Америке, но при этом сообщали, что Альенде не представляет никакой угрозы для национальной безопасности. Через три дня после выборов ЦРУ в своем официальном меморандуме, позже обобщенном комитетом сената по разведке, уведомило Белый дом о том, что «у США нет жизненно важных интересов в Чили, приход к власти режима Альенде не вызовет существенного изменения мирового баланса военных сил, а его победа не будет представлять никакой вероятной угрозы миру в регионе».

Гнев Никсона, вызванный тем, что он подвел своих бизнес-благодетелей — Джея Паркинсона, Гарольда Дженина и Дональда Кендалла — передался и Киссинджеру. Многие из его сотрудников вспоминают, что вопросы процветания корпораций волновали его значительно меньше, чем возможность угодить Никсону. «Хотя он и был их идеологическим слугой, Генри относился к бизнес-сообществу с презрением», — говорит Роджер Моррис, работавший

в Совете национальной безопасности до середины 1970-х годов. Но, в то же время, вспоминает он, Киссинджера, похоже, серьезно заботило избрание Альенде: «Не думаю, что кто-либо в правительстве понимал, насколько ситуация в Чили беспокоит Киссинджера в идеологическом плане. Никто до конца не осознал, что Генри рассматривал Альенде как намного более серьезную угрозу, нежели Кастро. Если Латинской Америке когда-либо суждено было выйти из-под контроля, это произошло бы не из-за Кастро. Альенде был живым примером демократических социальных реформ, проводимых в этом регионе. В мире происходило много катастрофических событий, но его пугало Чили. Позже он говорил о еврокоммунизме точно так же, как ранее рассуждал о Чили. Чили пугало его».

Еще один сотрудник Совета национальной безопасности вспоминает рассуждения Киссинджера о победе Альенде по аналогии с Италией, где росло политическое влияние коммунистической партии. Опасения были связаны не только с тем, что в результате голосования Альенде займет пост президента, но и с тем, что в случае нормального функционирования политического процесса он оставит его только через шесть лет. 16 сентября Киссинджер провел неофициальную встречу с группой репортеров, среди прочих вопросов обсуждались также итоги выборов в Чили. Он заявил, как казалось, будучи искренне убежденным в правоте своих слов: «Я еще не встретил ни одного человека, который бы твердо верил в то, что в случае победы Альенде в Чили состоятся еще одни свободные выборы». На самом деле, он опасался прямо противоположного — того, что Альенде будет действовать в рамках демократического процесса.

Другие опасения относительно Альенде высказывались им более откровенно. Убежденный, что «принцип домино» прекрасно применим для Латинской Америки, он продолжал: «В одной из крупнейших стран Латинской Америки мы получим коммунистическое правительство. Эта страна имеет протяженную границу с Аргентиной, уже испытывающей глубокий внутренний раскол, граничит с Перу, движущимся в направлении, которое трудно одобрить, а также с Боливией, которая тоже пошла по все более левому, антиамериканскому пути... Не думаю, что нам следует обманывать себя, полагая, что приход Альенде к власти в Чили не создаст огромных проблем нам, демократическим силам, а также проамериканским силам в Латинской Америке, да и во всем Западном полушарии».

Первая реакция Белого дома на избрание Альенде была достаточно приглушенной, поскольку в это время в мире происходило много других событий, требовавших внимания. 6 сентября, через 2 дня после событий в Чили, боевики Организации освобождения Палестины начали захваты пассажирских авиалайнеров в Европе и на Ближнем Востоке, запустив процесс, завершившийся через несколько недель непродолжительной войной в Иордании.

8 сентября Киссинджер председательствовал на заседании «Комитета 40», в ходе которого он, Хелмс и Митчелл согласились, что «военный мятеж против Альенде имеет весьма мало шансов на успех, если он не будет проведен в ближайшее время». В соответствии с кратким изложением содержания встречи, опубликованным позднее комитетом сената по разведке, Киссинджер приказал Корри подготовить «взвешенную оценку доводов «за» и «против», проблем и перспектив, могущих возникнуть в случае, если сейчас в Чили с американской помощью будет организован военный переворот...».

Тревожный ответ Корри не заставил себя долго ждать. 12 сентября он сообщил, что возможность подобного развития событий «нулевая». 14 сентября, в ходе временного затишья иорданского кризиса, Киссинджер собрал еще одно заседание «Комитета 40».

В центре внимания встречи было обсуждение того, что позднее станет известным в разведывательном сообществе под названием «гамбит Руба Голдберга». Алессандри объявил, что, если 24 октября он будет избран конгрессом на пост президента, то уйдет в отставку. Если бы он повременил с уходом до момента своей инаугурации, намеченной на 3 ноября, его отставка повлекла бы за собой новые выборы. Это дало бы возможность Эдуардо Фрея, официально сложившему, хоть и на короткий срок, полномочия, вновь на законных основаниях выдвинуть свою кандидатуру. Люди в Вашингтоне рассматривали эту схему как вариант конституционного решения «проблемы Альенде», но здесь все совершенно очевидно зависело от желания Фрея сотрудничать, а также от его способности заручиться поддержкой Христианско-демократической партии на новых выборах.

Разработка этой схемы началась задолго до неожиданной победы Альенде 4 сентября. Ряд видных представителей Христианско-демократической партии сообщили Корри о желании Фрея снова выставить свою кандидату-

ру в случае победы Альенде на выборах и в случае, если бы удалось найти конституционно приемлемое решение этого вопроса. Корри проинформировал Вашингтон, и, после внезапной победы Альенде, администрация Никсона — в судорожном поиске приемлемых идей — обсудила и одобрила это предложение в ходе состоявшегося 14 сентября заседания «Комитета 40». В совершенно секретном сообщении, отправленном в адрес Корри на следующий день, его уполномочивали предложить Фрею и его сторонникам 250 тысяч долларов, а, если понадобится, и больше, для «секретной поддержки проектов, которые Фрей или его доверенные лица сочтут важными» для обеспечения возможности его избрания — например, покупки голосов в конгрессе. Корри наотрез отказался от денег, заявив, что Соединенные Штаты ни при каких обстоятельствах не должны «выполнять за чилийцев их грязную работу». К этому времени, как утверждает Корри, он уже знал то, что еще не было известно в Вашингтоне: «конструкция Руба Голдберга» неработоспособна. Было ясно, что Фрей не сможет добиться выдвижения от своей партии — даже если бы Алессандри, как это и планировалось, был избран конгрессом на пост президента и ушел в отставку. «Я также подозревал, что Фрей даже не собирался попытаться добиться (выдвижения от своей партии), так зачем мне тогда было носиться взад и вперед, пытаюсь скупить чилийских конгрессменов, если Фрей не мог управиться со своей партией?», — вспоминает Корри. В американском посольстве было известно, утверждает Корри, что Альенде и Радомиро Томич, либеральный кандидат от христианских демократов, занявший по итогам голосования третье место, еще до выборов тайно договорились объединить свои усилия в случае второго тура выборов. Подобное соглашение исключало возможность избрания Алессандри, как заметил Корри, он не мог уйти в отставку с поста президента, не став им.

Все это время Корри враждебно относился к кандидатуре Альенде, однако он утверждает, что многократно пытался предотвратить какое-либо непосредственное вмешательство США в процесс выборов. «Если бы Фрей мог обеспечить выдвижение партией своей кандидатуры открытым, демократическим путем, а затем, чтобы стать президентом, использовать систему конституционным и открытым путем, это было бы его дело», — объясняет Корри. В эти беспокойные недели Корри энергично поддержал серию предпринятых наиболее яркими сторонниками Фрея пропагандистских шагов, направленных против Альенде. Когда некоторые из них обратились к нему и сообщили, что собираются способствовать развалу экономики, Корри, по его словам, «одо-

брил это в своей телеграмме в Вашингтон». Основной заботой Корри, как он утверждал, было показать Вашингтону: он может проявлять такую же твердость, как и все остальные, и настаивает, что его единственной целью было предотвратить то, что, как он подозревал, обсуждалось как раз в это время — прямую поддержку Америкой военного переворота.

В течение нескольких недель сентября, если верить Корри, он жил в таком же мире интриг, как и Киссинджер: направлял в Вашингтон поток жестко звучащих телеграмм, усиленно поддерживавших гамбит, который, как ему было очевидно, не имел шансов на успех. В одной из таких телеграмм он сообщил, что сделал суровое предупреждение министру обороны страны о последствиях, которые ждут Чили в случае бездействия Фрея: «Фрей должен отдавать себе отчет в том, что, в случае победы Альенде, в Чили не поступит ни единого болта или гайки. Как только Альенде придет к власти, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы обречь Чили и чилийцев на крайние лишения и бедность, и это будет долгосрочная политика...». Позднее, в своих показаниях комитету сената по разведке, а также в интервью журналистам, Корри настаивал, что он преднамеренно «преувеличил резкость послания... чтобы предотвратить и остановить то страшное давление, которое оказывалось на меня с тем, чтобы я обратился за содействием к военным». Как он утверждает, на момент написания телеграммы ему не было известно, что идея экономического бойкота Чили как раз в это время активно пропагандировалась Никсоном и Киссинджером.

Неработоспособный «план Руба Голдберга» был не единственным вопросом повестки дня заседания «сорокового комитета», состоявшегося 14 сентября. Было одобрено усиление предпринимаемых «в последнюю минуту» пропагандистских усилий, нацеленных на то, чтобы убедить конгресс Чили в том, что избрание президентом Альенде приведет к финансовому хаосу. Через две недели ЦРУ доставило в Чили 23 журналистов — по меньшей мере, из 10 стран. Они укрепили те «пропагандистские активы», которыми Управление уже располагало в этой стране. За две недели, остававшиеся до выборов в конгрессе, они написали более 700 статей и программ — как в стране, так и за ее пределами. Ошеломляющий результат, реальный эффект которого измерить невозможно. К концу сентября в Сантьяго разразилась полномасштабная банковская паника, огромный объем средств был выведен за границу. Ощутимо упала продажа предметов длительного спроса, таких, как автомо-

били и предметы домашней обстановки. Также сократилось промышленное производство. По мере того, как граждане стремились за любые деньги избавиться от своих драгоценностей, расцветал «черный рынок».

Давление возрастало. Гайки начали закручиваться по-настоящему 14 сентября, когда «Комитет 40» показал: администрация Никсона готова идти достаточно далеко, чтобы воспрепятствовать президентству Альенде. Но как далеко в действительности готов был пойти президент США, было еще неясно. С момента выборов прошло уже десять дней, и Никсон смог справиться со своим гневом. Новых вспышек не следовало. Если говорить о случаях, известных Киссинджеру, то взрыв произошел на следующий день, 15 сентября. Его вызвала тревога, высказанная друзьями и бенефициарами Никсона в бизнес-сообществе.

На самом деле, их путь к Никсону начался в Сантьяго, за день до избрания Альенде, когда Августин Эдвардс в первый и последний раз посетил посольство Корри. Эдвардс был в дружеских отношениях с предшественником Корри, Ральфом Дангэном, демократом, который работал послом в Чили с 1964 по 1967 год. Подобных отношений с Корри он не установил. Корри рассказывал, что в ходе десятиминутного разговора он заверил Эдвардса: по данным последних опросов общественного мнения, Алессандри все еще должен был победить. «Мне показалось, что Эдвардс остался доволен услышанным и убыл, — вспоминал Корри. — (Он рассказал мне), что вложил все доходы, заработанные за многие годы, в новые предприятия и модернизацию и, если Альенде придет к власти, он будет разорен». Через три или четыре дня после выборов Хекшер сообщил Корри, что Эдвардс снова хочет встретиться с ним, правда, в этот раз в доме одного из своих служащих на окраине Сантьяго. На встрече, как рассказал Корри, он проинформировал Эдвардса, что не верит, будто вооруженные силы Чили сделают хоть одно движение, чтобы предотвратить избрание Альенде конгрессом. Он также признал, что текущие программы ЦРУ, в основном ориентированные на пропаганду, скорее всего, своей цели не достигнут. Эдвардс согласился, что вопрос об избрании Альенде конгрессом представляется решенным и удивил Корри, заявив, что немедленно покидает Чили. Как он объяснил, партнеры Альенде пригрозили, что новый режим его «раздавит». Через несколько дней он улетел, чтобы встретиться в Вашингтоне с Кендаллом. Тот немедленно предложил Эдвардсу пост вице-президента «Пепсико» и при-

нял его как гостя своего дома. 14 сентября, пишет в своих мемуарах Киссинджер, у Кендалла состоялась неофициальная встреча с Ричардом Никсоном. Встреча, которая, как и многие другие, не была зафиксирована в ежедневном журнале посещений, который вела секретная служба. Следующим утром, по указанию Никсона, Джон Митчелл и Киссинджер позавтракали с Кендаллом и Эдвардсом. Через несколько часов после этого Киссинджер попросил Хелмса встретиться с Эдвардсом и, как пишет Киссинджер, «прислушаться, что подскажет ему интуиция». Позднее Хелмс рассказал интервьюеру, что, когда они встретились в одной из гостиниц Вашингтона, Эдвардса сопровождал Кендалл. Эти двое горячо просили о помощи со стороны ЦРУ, чтобы блокировать избрание Альенде. Очевидно о том же, понял Хелмс, они беседовали с Никсоном. Во второй половине дня Никсон вызвал Хелмса, Митчелла и Киссинджера к себе и, по существу, предоставил Хелмсу карт-бланш действовать против Альенде, не информируя никого, даже Корри, о своих шагах.

Газеты и электронные средства массовой информации позже сделают далеко идущие выводы из того факта, что, как сообщалось в отчете сенатского комитета по разведке, посвященном Чили, Хелмс предоставил конгрессменам свои рукописные записи, сделанные в ходе состоявшейся 15 сентября встречи с Никсоном. Там содержались следующие фразы: «Невзирая на возможный риск», «Задействовать всех — наши лучшие люди», «Сделать так, чтобы экономика завопила», «Доступны 10 миллионов долларов, при необходимости больше», «Никакого участия посольства». Но сотрудники ЦРУ, которые служили вместе с Хелмсом, знали, что, если бы Хелмс решил что-нибудь сообщить, у него было бы намного больше данных, чем просто записи. «На таких встречах вы не ведете записей, — сообщил позднее один высокопоставленный сотрудник ЦРУ. — Однако как только вы возвращаетесь в свою машину, вы диктуете короткий меморандум для протокола». Он также сказал, что Хелмс всегда очень тщательно хранил подобные меморандумы в своих личных документах, однако они никогда не попадали в официальные хранилища данных ЦРУ.

В своих показаниях комитету Хелмс заявил, что покинул совещание в Овальном кабинете с «впечатлением... что президент обрушился на нас с требованием, чтобы что-то было сделано, причем его не сильно волновало, как это будет сделано, и что он готов был изыскать необходимые деньги... Этот при-

каз позволял практически все... Если я когда-либо покидал Овальный кабинет с маршалским жезлом в солдатском ранце, то это было именно в этот раз». Отвечая на конкретный вопрос, подразумевалось ли при этом покушение, Хелмс ответил очень осторожно: «Я об этом не думал... Я уже принял решение, что пока я являюсь директором, мы подобными вещами заниматься не будем».

В своем ответе Хелмс сильно слукавил. Позже, беседуя со своим близким коллегой, Хелмс значительно достовернее описал то, что произошло 15 сентября. Никсон конкретно приказал ЦРУ избавиться от Альенде. Хелмс сказал своему коллеге, что в этот момент он ни секунды не сомневался в том, что именно имел в виду Никсон. В последующие недели, добавил Хелмс, Киссинджер, по крайней мере, однажды напомнил ему об этом. Далее он признал, что сделал и сохранил в своих документах детальные записи, посвященные беседам с Никсоном и Киссинджером относительно Альенде. Следует подчеркнуть, что близкий коллега, которого я цитирую и который просил не делать никаких намеков относительно того, кем он мог быть, занимал такое положение, что должен был знать правду. Он сказал также, что Хелмс сообщил те же сведения своему адвокату Эдварду Беннету Вильямсу, когда министерство юстиции обвинило его в лжесвидетельстве по делу Альенде. Когда я связался с Вильямсом, он отказался от комментариев.

В отношении планировавшихся ЦРУ покушений Хелмс не был столь уж невинен. Он был одним из высокопоставленных сотрудников Управления, и в полной мере информирован об усилиях, предпринимавшихся с 1960 года для того, чтобы совершить покушение на Кастро. Выступая перед комитетом сената по разведке в 1975 году, в соответствии с опубликованным докладом о покушениях, Хелмс заявил, что целиком убежден в том, что в этих попытках — некоторые из которых подразумевали участие руководства мафии — ЦРУ, как это было сформулировано комитетом, «действовало в рамках своих полномочий, и о покушении на Кастро было известно в администрации Кеннеди». Отвечая на вопрос, был ли необходим прямой приказ президента о покушении, Хелмс ответил: «Мне кажется, любому из нас было бы сложно обсуждать вопрос покушения с президентом Соединенных Штатов. Я думаю, что у всех нас было такое чувство, что нас нанимают для того, чтобы решать эти проблемы вне стен Овального кабинета».

Когда через месяц он снова появился перед членами комитета, вопрос был задан еще раз. Его спросили, давал ли ему когда-нибудь указания об убийстве Кастро министр юстиции Роберт Кеннеди, и Хелмс ответил: «В таких словах — нет». Употреблялись ли для такого указания более обтекаемые фразы? «Сэр, когда я был здесь в прошлый раз, то сделал все, что в моих силах, чтобы донести свое понимание того, какими параметрами определялась наша тогдашняя деятельность — нам надо было избавиться от Кастро, — ответил Хелмс в явном замешательстве. — Я не могу представить себе сотрудника администрации, который хотел бы потерять из-за этого свою работу. Никто никогда не оставит некоего письменного подтверждения того, что он только что обязал мистера Джонса пойти и застрелить мистера Смита».

Другой высокопоставленный сотрудник ЦРУ, в течение многих лет занимавшийся Кубой и Латинской Америкой, в своем интервью более подробно описал применявшуюся технику: «Президенту достаточно было бы сказать что-то совершенно безобидное: «Хорошо бы, чтобы его там не было». Такое высказывание, даже если оно потом и появится на знаменитых магнитофонных записях (записи разговоров Никсона в Белом доме) не причинит никому вреда. Но когда до нас доводят подобное высказывание, примерно шесть человек поймут его одинаково: «Никогда не возвращайся, и не рассказывай, что случилось».

В 1969 и 1970 годах говорить о покушениях в Белом доме было намного проще, чем через пять лет, в разгар общенационального возмущения разоблачениями предпринятых ЦРУ попыток покушений на Кастро, Патриса Лумумбу в Конго и Рафаэля Трухильо в Доминиканской Республике. Роджер Моррис вспоминает, по меньшей мере, о двух случайных разговорах со знакомыми помощниками Киссинджера об убийстве Нгуен Ван Тхиеу, президента Южного Вьетнама, которого рассматривали в качестве ключевого препятствия мирным переговорам в Париже. В одном случае, как говорит Моррис, он, беседуя с коллегой, с деланной горечью заметил, что «покушение на Тхиеу — это такое покушение, на которое американскому правительству следовало бы взглянуть с интересом». К его удивлению, коллега, работавший в офисе Киссинджера в Белом доме, ответил совершенно серьезно: «Они этим занимаются». Позднее Моррис, вместе с еще одним помощником, занимался подготовкой совершенно секретного меморандума о переговорах по вьетнамской проблеме, который специально оговаривал необходимость «урегулировать

ситуацию с противодействием со стороны Сайгона. Ставки настолько высоки, что оправдают такие шаги, которые не рассматривались нами с 1963 года». Меморандум был представлен Киссинджеру, который, как потом сказали Моррису, приказал перепечатать его набело и подал документ Никсону, не внося в него никаких изменений.

Покушениями просто хвастались. Первый заместитель Киссинджера, Александр Хейг, однажды сказал Джону Карту, сотруднику аппарата Совета национальной безопасности, что, как вспоминает Корт, «если нам надо будет о ком-то позаботиться, мы сможем это сделать». О покушении говорили и в Чили. Посол одной из западноевропейских стран прямо обратился к Корри, совершенно серьезно предложив тому заняться организацией убийства Альенде. Корри, по его словам, резко отказал дипломату, и тщательно передал содержание их беседы в государственный департамент.

Результатом встречи у Никсона 15 сентября стал план, позднее получивший в ЦРУ название «Два пути». «Первый путь» включал в себя пропагандистскую кампанию против Альенде, а также политические программы, одобренные «Комитетом 40» и переданные для реализации Корри и Хекшеру. Корри также следовало продолжать поддерживать политические уловки, которые могли бы быть предприняты Фреем или Алессандри в последнюю минуту. «Второй путь» должен был держаться в секрете от Корри, государственного департамента и даже «Комитета 40». Его целью было не только подтолкнуть чилийских военных к перевороту, но и оказать офицерам непосредственную помощь в его подготовке. По существу, это должен был быть американский переворот руками чилийцев.

Запустив сценарий «Второго пути», Белый дом, очевидно, решил оставить «ИТТ» в неведении относительно того, насколько далеко он собирается пойти в Чили. Через неделю после выборов Джон Маккоун встретился с Киссинджером и Хелмсом и передал: «ИТТ» обещает на этот раз один миллион долларов на содействие плану ЦРУ «остановить» Альенде. Вайрон Ваки, помощник Киссинджера по Латинской Америке, был отдельно проинформирован о том, что официальный представитель «ИТТ» предложил в Вашингтоне 1 миллион долларов, при этом ему было дополнительно сказано, что Гарольд Дженин готов вылететь на встречу в Белый дом, чтобы обсудить этот вопрос

с Киссинджером. «ITT» ничего не оставляло на волю случая, два ее руководителя в течение одной недели предпринимали в Вашингтоне все необходимые действия. Подкомитет по межгосударственным делам так и не смог выяснить, состоялась ли встреча Дженина и Киссинджера. Членам подкомитета также не удалось установить, направила ли «ITT» средства в Чили — что было очевидно, принимая во внимание менее чем откровенные показания в ходе слушаний, компании удалось в 1973 году проскользнуть мимо подкомитета.

Если в Белом доме и существовали опасения, вызванные размахом того, что предстояло сделать с демократией в Чили, то Ричард Никсон их не разделял. 16 сентября, на следующий день после сумбурной встречи с Хелмсом, он вылетел в университет штата Канзас, чтобы выступить с лекцией об Альфреде Лэндоне, республиканце, проигравшем президентские выборы в 1936 году.

Никсон дал высокую оценку тому, как благородно принял Лэндон известие о своем поражении, и добавил: «Существуют люди, протестующие в случае, если демократический процесс обращается против них. Тогда они говорят, что демократия — это ошибка, что система не функционирует должным образом. Они считают, что, если ситуация складывается не в их пользу, они вправе поджечь автобус или бросить в здание бомбу. Тем не менее, мы можем сохранить свободное общество, только если мы признаем, что в свободном обществе никто не может выигрывать постоянно».

В ОСОБЕННОСТИ САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

В дни, последовавшие за эмоциональным разговором Ричарда Никсона и Ричарда Хелмса, ЦРУ глубоко копнуло свои арсеналы, чтобы осуществить то, что многими руководителями Управления считалось реальным воплощением сюжета «Миссия невыполнима». Ничем себя не выдав, имея только шесть недель до тщательно контролируемых выборов президента Чили конгрессом, Управление должно было резко укрепить свои связи с ведущими лидерами оппозиционных групп, а также предоставить оружие, деньги и обещания поддержать военный переворот. Целью было, как и настаивал президент, избавиться от Альенде.

В своей вышедшей в 1980 году автобиографии «Лицом к лицу с реальностью» Корд Мейер, один из наиболее доверенных заместителей Ричарда Хелмса,

вспоминает, как он принимал участие в небольшом совещании, состоявшемся в Управлении 15 сентября, вскоре после визита Хелмса к президенту. «Мы были удивлены тем, что нам было приказано сделать, поскольку, как бы мы ни опасались президентства Альенде, идея военного переворота не считалась нами приемлемым решением», — пишет Мейер. Несмотря на все сомнения, добавляет он, люди из верхушки ЦРУ были полны решимости выполнить «иррациональное и истеричное» решение Никсона. «Гордость, которую мы испытывали, будучи среди немногих, избранных президентом для выполнения важного и секретного задания, едва ли перевешивала наши сомнения относительно правильности избранного пути». Мейер не говорит об этом, но совершенно очевидно существовали и сомнения относительно законности распоряжения президента. То, что группа опытных правительственных чиновников с энтузиазмом примется за реализацию подобной политики, несомненно, явилось весомым аргументом для целого ряда критиков ЦРУ, выступавших за отмену функций Управления по проведению тайных операций.

В сентябре и октябре Томас Карамессинес, руководивший, по его подсчетам, то ли шесть, то ли десять раз тайными операциями ЦРУ, встречался и беседовал с Киссинджером. Сэмюэл Хэлперн, ветеран ЦРУ, работавший заместителем Карамессинеса, также посещал Белый дом, однако его обычно принимал Хейг. Если тот по каким-то причинам был недоступен, Хэлперн беседовал с Томасом Лэтимером, офицером по связи из ЦРУ, прикомандированным в штат Совета национальной безопасности. Ответственные работники Управления в своих интервью, а также свидетельствах, которые они дали в 1975 году в комитете сената по разведке, неоднократно отмечали интенсивное давление Белого дома, стремившегося помешать избранию Альенде. Этот прессинг можно было сравнить разве что с ситуацией, сложившейся в начале работы администрации Кеннеди, когда стоял вопрос о том, что надо обязательно предпринять какие-либо действия против Фиделя Кастро. Поэтому, вероятно, было неизбежным, что ветеран кубинских операций Хелмс привлечен к операциям против Альенде во многом тех же людей, что работали с ним против Кастро.

В ходе различных расследований, проводившихся конгрессом в середине 1970-х годов, масштабы официальной лжи и искажений по чилийской теме были сравнимы только с одним событием эпохи Никсона. Это — вторжение в гостиницу «Уотергейт» в июне 1972 года и последовавшая за этим опера-

ция прикрытия. В случае с Чили, как и с «Уотергейтом», изыскивались возможности оплатить защиту контактов и партнеров ЦРУ, застигнутых на месте преступления. В случае с Чили, как и с «Уотергейтом», уничтожались записи и искажалось содержание документов. В случае с Чили, как и с «Уотергейтом», многие из свидетельств, представленных в занимавшиеся расследованием комитеты конгресса, были ложными. В случае с Чили, как и с «Уотергейтом», Белый дом выступал союзником недобросовестных и жестоких людей, не понимавших различий между правильным и неправильным.

К середине сентября Киссинджер вырвал у государственного департамента контроль над ситуацией на Ближнем Востоке. Через несколько дней он стал единолично противодействовать тому, что считал попыткой создать базу советских подводных лодок в гавани Сьенфуэгос на Кубе. В это время Киссинджер рассматривал себя и президента как людей, готовых лицом к лицу встретить созданные Советским Союзом серьезные проблемы. Для человека, одного короткого телефонного звонка которого было достаточно, чтобы поднять по тревоге армейские дивизии или вывести в океан флотские тактические группы, изменение результатов выборов в какой-то не очень значительной стране Латинской Америки представлялось делом достаточно легким. Этим он в очередной раз продемонстрировал бы коммунистическому миру могущество Белого дома президента Никсона. Чили должно было контролироваться Киссинджером полностью.

Возможно, именно это чувство всемогущества было причиной его браварды на брифинге 16 сентября, когда Киссинджер выступил против Альенде, а затем принялся рассказывать представителям прессы основные моменты «Первого пути». «В соответствии с законом Чили о выборах, в случае, если ни один из кандидатов не набрал большинства голосов, кандидатуры двух претендентов, показавших наивысшие результаты, направляются в конгресс, — заявил Киссинджер в той части своего брифинга, которую затем предпочел не публиковать в мемуарах. — Конгресс тайным голосованием избирает президента... Так было всегда, во всей истории Чили. Вполне логично, что конгресс может заявить: «64 процента населения страны не хотят коммунистического режима. Коммунистическое правительство обычно несменяемо. Поэтому мы проголосуем за кандидата номер два». Киссинджер описывал «гамбит Руба Голдберга», не упоминая, конечно, о тех 250 тысячах долларов, которые «Комитет 40» выделил на подкуп членов конгресса. Провал этого плана, вызван-

ный отказом Эдуардо Фрея действовать, в Вашингтоне осознали только через неделю.

Он, однако, ничего не сказал о другой части операции Белого дома — «Втором пути». Более того, в своих мемуарах Киссинджер старательно подчеркивает его незначительность. Он неоднократно, точно так же, как и в своих показаниях сенатскому комитету по разведке в 1975 году, проводит мысль о том, что «первый» и «второй» пути в итоге слились в один. Касаясь «Второго пути», невзирая на обещание десяти и более миллионов долларов, данное Никсоном Хелмсу, Киссинджер пишет: «Расходы, если они и были, не могли превысить нескольких тысяч долларов. Это было не более чем зондирование и исследование возможностей, даже в понимании Хелмса». Он добавляет: «Второй путь» всегда казался значительнее, чем он был на самом деле. Как я многократно доказывал... Никсон был склонен делать высокопарные заявления, но как только ему становились понятными все связанные с этим сложности, он не настаивал на их исполнении. Опасения относительно того, что случайные лица могут буквально воспринять то, о чем говорит президент Никсон, фактически было одной из причин, по которой Холдеман (Гарри Роббинс «Боб» Холдеман — один из главных помощников президента Никсона — ред.) так бдительно следил за доступом к президенту». Из мемуаров неясно, считал ли Киссинджер Хелмса одним из этих «случайных» посетителей, неправильно понявших президента.

Желание Киссинджера преуменьшить значение «Второго пути» совершенно понятно, поскольку подлинные масштабы деятельности ЦРУ в Чили не разглашались и, возможно, никогда не будут известны до конца. (Следует заметить, что наиболее авторитетные биографы Киссинджера, Марвин и Бернард Калбы в своей книге, опубликованной в 1974 году, не упомянули ни Чили, ни Сальвадора Альенде. Они проигнорировали даже падение режима Альенде в 1973 году. Дело не в том, что Калбы что-то замалчивали, это делал сам Киссинджер). Хелмс, несомненно, знал, что разговор идет о чем-то большем, чем просто зондирование. В течение нескольких недель он откомандировал в Сантьяго ряд наиболее опытных агентов Управления. Один из таких людей, проходящий в сообщениях ЦРУ под псевдонимом «Генри Слоуман», к 1970 году уже более 20 лет нелегально работал в Латинской Америке, Европе и Азии. У него была безупречная легенда: компаньоны считали его профессиональным азартным игроком и контрабандистом высокого класса,

напрямую связанным с мафией. За всю свою карьеру Слоуман, вышедший в отставку в 1975 году, побывал в штаб-квартире ЦРУ в Вашингтоне от силы десятков раз, встречаясь с высокопоставленными сотрудниками Управления. Это происходило по воскресеньям, чтобы избежать случайной встречи с другими оперативниками. В стенах Управления он был легендарной фигурой: постоянно ходили разговоры о его участии в «мокрых» делах. Хелмс хорошо знал его, и, по меньшей мере, дважды наградил медалями ЦРУ за тайные подвиги, включавшие в себя другие операции — в основном, в Юго-Восточной Азии. Они, по словам Слоумана, были организованы по прямому распоряжению Киссинджера.

И он был не один. По крайней мере, еще три старших оперативных сотрудника ЦРУ, которые, как и Слоуман, внешне походили на латиноамериканцев, были со всеми необходимыми предосторожностями переведены в Сантьяго накануне выборов 24 октября. Целью этой группы, именовавшейся в ЦРУ «Чужие флаги» — имелись в виду их поддельные латиноамериканские паспорта — была отнюдь не помощь в поиске конституционного решения проблемы Альенде. Они должны были передать деньги и инструкции тем людям в Чили, которые планировали организацию переворота.

Выступая перед комитетом сената по разведке, ответственные сотрудники ЦРУ объясняли: «Чужие флаги» были необходимы для соблюдения безопасности и сведения к минимуму связи правительства США с организацией заговора против Альенде. Однако выбор именно этих людей объяснялся еще одной, более важной причиной. Они были подготовлены к тому, чтобы исполнять приказы, и, в отличие от многих работавших в Чили оперативников, без колебаний вышли бы на контакт с людьми, известными всем в стране как самые ярые «альендененавистники», крайне правые террористы во главе с генералом Роберто Вио. Для сотрудников ЦРУ, работавших в Чили, Вио и его сподвижник, бывший капитан Артуро Маршал, были людьми неуравновешенными и неуправляемыми. Кроме того, считалось, что в эту группу фанатиков проникли люди Альенде. В 1969 году Вио был отстранен от командования, а Маршал уволен из чилийской армии за безуспешную попытку организовать мятеж против Фрея. С тех пор они только громче призывали к насилию против левых. Маршал дошел до того, что в кругу своих сторонников говорил: если бы ему представился подходящий случай, он совершил бы покушение на Альенде. Эти угрозы заставили помощников Альенде настаивать, правда,

безуспешно, на том, чтобы тот носил пуленепробиваемый жилет. В резидентуре ЦРУ в Сантьяго присутствовало совершенно очевидное нежелание иметь какие-либо дела с Вио и Маршалом. Основное связующее звено между Управлением и чилийскими военными — полковник Поль Уимерт, занимавший пост военного атташе в Сантьяго, служил в военной разведке в Латинской Америке с 1950-х годов. В своем презрении к Вио он был непоколебим: «Я всегда действовал, исходя из предположения, что мозги ничем заменить невозможно. У Вио их нет». Уимерт, так же, как и все остальные сотрудники посольства, хотел спровоцировать осенью 1970 года военный переворот, однако не хотел вовлекать в это дело Вио.

«Чужим флагам» было запрещено контактировать с другими американцами, находившимися в Чили. Им следовало въехать в страну, поселиться в какой-нибудь гостинице, передать деньги и инструкции Вио, Маршалу и их людям и выехать обратно. Единственной связью с американским посольством и резидентурой ЦРУ был Хекшер, который должен был пересылать их донесения в Вашингтон. Общая схема, как и все остальные значимые новости о Чили после 15 сентября, была установленным порядком доложена в Белый дом. Становилось «жарко», и ЦРУ показывало Белому дому: в данной ситуации Управление делает все, что в его силах.

С 26 сентября до 5 октября 1970 года Киссинджер в Вашингтоне отсутствовал. Он сопровождал президента в его предвыборной поездке в Европу и страны Средиземноморья. Тем не менее, есть свидетельства тому, что еще до своего отъезда из Белого дома он уже знал, что «план Руба Голдберга» не сработает. В соответствии с документами, опубликованными комитетом сената по разведке, 23 сентября Хекшер доложил о существовании «серьезных причин», заставляющих предполагать, что Фрей действовать не будет. Хекшер потребовал разрешить резидентуре выйти на связь с настроенными против Альенде офицерами армии и флота, чтобы подтолкнуть их к военному перевороту. Контактным лицом должен был стать известный коннозаводчик Вимерт, у которого было много близких друзей среди старших офицеров, многие из них разделяли его любовь к лошадям и скачкам. Вимерту было даже предоставлено право держать конюшни на территории Чилийской военной академии в Сантьяго, а возможность доступа к военным и влияние на них далеко превосходили потенциал любого другого оперативника ЦРУ. Однако Корри приказал Вимерту не обсуждать с чилийскими офицерами политические вопро-

сы. Несмотря на ярко выраженную неприязнь, которую испытывал Вимерт по отношению к Корри, он выполнил приказ.

В конце сентября к Вимерту негласно обратился Хекшер, сказавший, что «высшее руководство» поручило тому под руководством ЦРУ выйти на контакт с высокопоставленными чилийскими военными и побудить их организовать военный переворот. Корри не должен был знать о новом задании Вимерта. Вимерт запросил и получил от своих непосредственных начальников в военной разведке Пентагона строго секретную телеграмму, подтверждавшую договоренность. Телеграмма, как сказали Вимерту, была настолько важной, что ему запретили оставить ее в своих личных документах. Впредь до новых указаний он поступал в распоряжение Хекшера и ЦРУ и должен был выполнять их приказы. Через несколько недель, когда Вимерт осознал весь риск, связанный с выполнением своего нового задания, на его имя пришла еще одна секретная телеграмма, которую ему показали, но не отдали. В ней Хелмс заверял, что в случае гибели Вимерта при выполнении задания Управления о его семье и о лошадях позаботятся. В течение следующих трех месяцев Вимерт через Хекшера направлял свои отчеты и оценки в ЦРУ и, как он полагал, также своим начальникам в Пентагоне. Только в 1975 году, в ходе слушаний комитета сената по разведке он узнал, что ни одно из его донесений до военной разведки не дошло. Чили стало его последним местом службы. По возвращении в Вашингтон он был принят своими руководителями весьма холодно. Как позже узнал Вимерт, их очень огорчило то, что в период выборов Альенде они не получали от него никакой информации из Сантьяго. «Ничего из того, что я сообщал, не попало в военную разведку, все шло прямо к Хейгу и Киссинджеру, — вспоминает Вимерт. — Я думал, что все мои донесения за три месяца направлялись в Пентагон, но это было не так — они оказывались сразу в Белом доме».

В Сантьяго Вимерт получил поздравительную телеграмму от адмирала Мурера и генерала Дональда Беннета, начальника военной разведки. Хекшер часто показывал Вимерту приказы, подписанные Беннетом, и, как тот полагал, ЦРУ передавало его ответы генералу. Как позже узнал Вимерт, все эти телеграммы не имели никакого отношения к Пентагону. Комитет сената по разведке не смог найти виновного в одурачивании Вимерта. Официальные представители ЦРУ под присягой заявили, что не подделывали телеграммы Вимерту. Однако в 1982 году один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ, непо-

средственно участвовавший в операции в Чили, в своем интервью признал: доклады Вимерта в Пентагон не доходили до адресата, поскольку официальным лицам этого ведомства «не было необходимости знать», как интенсивно шла работа заговорщиков в Сантьяго. Он также сказал, что привлечение такого постороннего лица, как Вимерт для оказания помощи разведывательному агентству в его тайных операциях было обычной практикой. «У каждого известного мне военного атташе есть такой «любитель», — продолжил интервьюируемый, добавив, что участие Вимерта было обусловлено сильным давлением со стороны Белого дома. Вимерту в 1971 году удалось получить назначение в Межамериканский колледж обороны в Вашингтоне, а в 1973 году он вышел в отставку и поселился на ранчо в Виргинии.

Когда 5 октября 1970 года Киссинджер вернулся в Вашингтон, новость о том, что «план Руба Голдберга» мертв, уже не могла его удивить. На 6 октября было назначено заседание «Комитета 40», где вновь солировал Киссинджер. Протоколы этого заседания в тех фрагментах, которые были опубликованы комитетом сената по разведке, содержат едкую критику в отношении тех, кто «позволил себе полностью смириться со свершившимся фактом» — имеется в виду избрание Альенде. А также предупреждение о том, что «высшая власть не намерена признать свое поражение раньше, чем наступит 24-е число. Напротив, здесь требуется приложить все старания». Позднее Карамессинес сообщил сенатскому комитету, что давление с целью помешать президентству Альенде было все еще достаточно интенсивным, а Киссинджер во время встреч с ним «не оставлял у меня ни капли сомнения в том, что он сам находился под жестким прессингом и поэтому он, в свою очередь, оказывал сильнейшее давление на нас с целью осуществить запланированное».

Ко второй неделе октября ЦРУ с помощью Вимерта установило контакт с той группой чилийских военных, которая, наряду с людьми Вио, рассматривалась в качестве наиболее вероятного исполнителя необходимых насильственных действий. Ее возглавлял генерал Камило Валенсуэла, командовавший армейским гарнизоном в Сантьяго. В группу входили умеренные консерваторы, находившиеся на службе в армии и флоте. В своих показаниях перед комитетом сената по разведке официальные представители ЦРУ стремились подчеркнуть отличия между группами Вио и Валенсуэлы. Было известно, что многие старшие офицеры вооруженных сил и флота Чили выступали против экстремизма и террористических действий Вио. Тем не менее, комитет сената по

разведке пришел к заключению, что между обеими группами была установлена тесная связь, а их действия координировались.

Вся работа по организации заговора против Альенде в период, предшествовавший выборам, становилась еще опаснее из-за постоянно вспыхивавших в Сантьяго слухов о тайных операциях ЦРУ, увязывавших переворот с американцами, Валенсуэлой и Вио. Еще одним источником напряженности в Управлении была точка зрения Хекшера, считавшего, что Вио слишком неуправляем, чтобы ему доверять. Одним из его первых требований, отвергнутых ЦРУ, была поставка нескольких сотен гранат с нервно-паралитическим газом для использования в ходе переворота. Партия гранат должна была быть сброшена на парашютах в условленном месте. Хекшер предупредил свое руководство о том, что не следует создавать у Белого дома впечатления, «будто у меня есть верный метод остановить, не говоря уже о том, чтобы начать, попытки переворота». Его вызвали в Вашингтон и предупредили, как он показал впоследствии, что его начальство было «не слишком заинтересовано постоянно получать от меня сообщения о том, что некоторые из поступавших предложений не могли быть исполнены или были контрпродуктивными». Если Никсон и Киссинджер хотели, чтобы что-то было исполнено, это должно было быть исполнено — даже если лучшие умы разведки сообщали из Чили, что сотрудничество с Вио в перспективе повредит интересам Соединенных Штатов.

13 октября 1970 года резидентура ЦРУ получила распоряжение передать Вио 20 тысяч долларов через одного из «Чужих флагов», а также пообещать ему полис страхования жизни на сумму в 250 тысяч долларов, чтобы поддержать его усилия по руководству переворотом. Такие большие суммы денег резидентура хранила в посольстве США, и расходовались они без каких-либо расписок или вопросов. Вимерт, которому позднее передали 100 тысяч долларов для выплат группам противников Альенде, вспоминал, что такое количество наличных денег было слишком громоздким для того, чтобы носить их при себе: «Я спрятал их в сапогах для верховой езды, лежавших в багажнике моего автомобиля».

Жалобы на Вио от Хекшера и других людей, работавших в Сантьяго, были не единственным источником беспокойства для Вашингтона. Корри также создавал проблемы. Нервничая из-за постоянных слухов об участии ЦРУ в чи-

лийских событиях, он послал совершенно секретное предупреждение Киссинджеру и в государственный департамент Алексису Джонсону. Оно было направлено 25 сентября, за день до того, как Киссинджер покинул Вашингтон, чтобы сопровождать Никсона в его поездке в Европу. «Невзирая на все возможные позитивные результаты переворота и его последствия для Соединенных Штатов, я убежден, что мы не должны его провоцировать, — писал Корри. — Мы не должны рисковать, просто для того, чтобы получить еще один Залив свиней (место неудачной высадки на Кубу противников Кастро в 1960 году)». Корри также предупредил, что, в соответствии с этими соображениями, он проинструктировал резидентуру ЦРУ в Сантьяго «не ввязываться... в какие-либо действия поддержки». Корри умолчал, что за несколько дней до этого у него произошла короткая перебранка с Хекшером, когда тот упрекнул Корри, что тот не делает всего, от него зависящего, чтобы побудить Фрея принять участие в разрешении вызванного Альенде кризиса. Как вспоминает Корри, Хекшер кричал: «Какого черта ты не выкручиваешь Фрея руки? Ты говоришь Вашингтону, что делаешь это, а на самом деле, ничего не происходит». Отправив телеграмму, Корри запросил разрешения вернуться в Вашингтон, чтобы проинформировать администрацию и членов конгресса о ситуации в Чили. В ответ он получил распоряжение оставаться в Сантьяго, поскольку его присутствие там было «слишком ценно».

К началу октября Корри заподозрил, что у него за спиной что-то происходит. Обратиться за советом ему было практически не к кому. Беседы с бывшими коллегами и помощниками Корри в посольстве в Сантьяго показали, что его сильно не любили за заносчивость. Поэтому он был практически отрезан от коридорных слухов — основного источника информации о ситуации в посольстве. В своем втором конфиденциальном сообщении Киссинджеру и Джонсону, датированном 9 октября, он вновь предупредил: «Думаю, что любая попытка поощрения переворота с нашей стороны может привести нас к повторению провала в Заливе свиней. Я был потрясен, узнав о связях с террористами и организаторами заговора... Со мной ни разу не консультировались и даже не информировали меня о том, какую роль будут играть Соединенные Штаты, и будут ли они играть ее вообще...». Корри сообщил Киссинджеру, что он и его старшие помощники из числа работающих в Сантьяго дипломатов имели основания полагать, что заговор против Альенде планировался ЦРУ вместе с ультраправой гражданской группой «Патриа э либертад» в сотрудничестве с Вио, выступавшим за применение насилия в отношении Альенде

и его коалиции. Если это правда, добавил Корри, такие действия не приведут к успеху и «станут крупной катастрофой, как для Соединенных Штатов, так и для президента. Вследствие этого значительно усилятся как сегодняшние, так и будущие позиции Альенде, а интересам США в Латинской Америке, а, возможно, и за ее пределами, будет нанесен серьезнейший ущерб». (И снова трудно поверить утверждениям Корри будто он не знал, что в посольстве что-то затевается. Тем не менее, ему удалось подтвердить подлинность своей телеграммы от 9 октября. Он даже подтвердил это в своем выступлении перед комитетом сената по разведке в 1975 году, и его свидетельство не было оспорено).

На этот раз реакция последовала незамедлительно. Джонсон послал срочную телеграмму, вызвав Корри на встречу с Киссинджером, которая должна была состояться в самом начале рабочего дня в понедельник, 12 октября. Корри вспоминает, что к назначенному часу прибыл в кабинет Киссинджера: «Генри поприветствовал меня и постоянно бранил «этих идиотов из государственного департамента», которые не смогли заблаговременно предупредить о возможности избрания Альенде. Корри понял, что, будучи честолюбивым сторонником демократической партии, работающим в администрации Никсона, он попал в трудное положение. С одной стороны, ему необходимо было продемонстрировать свою лояльность, а с другой — убедить Белый дом не прибегать к помощи военных в Чили. Поговорив несколько минут, Корри сказал Киссинджеру, что «только безумец может иметь дело с таким человеком, как Вио». Корри вспоминает, что описывал Вио как «исключительно опасного человека», чья группировка напичкана близкими к Альенде социалистами, что только увеличивает для Америки риск обнаружить себя. В этот момент Киссинджер спросил, «не хочет ли Корри побеседовать с президентом» — и для Корри стало совершенно очевидно, что эта встреча была спланирована заранее.

Собеседники проследовали в Овальный кабинет. «Когда открылась дверь, Никсон уже стоял за ней, — вспоминает Корри. — Он сделал характерный жест, ударив кулаком в ладонь, при этом повторив: «Вот сукин сын, вот сукин сын». Заметив мое удивление, он сказал: «Господин посол, я не имею в виду вас. Мы понимаем, что в случившемся нет вашей вины, хотя вы и пытаетесь все время убедить нас в обратном. Сукин сын — это Альенде».

Никсон, совершенно очевидно понимая, сколь осторожно надо вести себя с Корри, который не должен был ничего знать о планируемом Белым домом перевороте, принялся в подробностях объяснять, что его администрация применит меры экономического воздействия с тем, чтобы сбросить правительство Альенде. Покончив с этим, продолжает Корри, Никсон «повернулся ко мне с довольным видом, как бы ожидая от меня ответа «Да, сэр». Но Корри не видел никаких причин безоговорочно соглашаться. Он уже встречался с Никсоном в 1967 году, будучи послом в Эфиопии. Никсон тогда находился не у дел и совершал одно из своих многочисленных мировых турне. Разговор получился достаточно открытым. С тех пор Корри больше не виделся с Никсоном, но и в этот раз решил, что может снова говорить откровенно. Он так и поступил: «Не поймите меня превратно, господин президент, но я хочу сказать, что вы совершенно неправы». Немногие позволяли себе говорить с Никсоном подобным образом. «Я увидел, как глаза Никсона полезли из орбит», — добавляет Корри. Посол продолжил, попросив у президента полномочий для начала широкомасштабных переговоров с Альенде и его окружением сразу после подтверждения его избрания, «что является совершенно неизбежным результатом. Остановить это не под силу никому и ничему». Здесь Корри вновь упомянул о Вио, предупредив президента, что, «естественно, есть сумасшедшие, которые носятся с Вио».

Корри вспоминает, что, когда он закончил свой монолог, «от Генри совершенно точно поднимался пар. Он злобно смотрел на меня. Но Никсон был сама любезность, когда я покидал кабинет. Он поднялся из-за стола и проводил меня до двери, расспрашивая о моих детях». Киссинджер остался в президентском кабинете, несомненно, для того, чтобы принять участие в предстоящем разносе Корри.

Корри не понял, что на самом деле Киссинджер просто отражал подлинные чувства Никсона, ту ярость, которую президент в себе подавил. В своих мемуарах Киссинджер старается представить встречу Никсона и Корри как мало-значительное событие, бросив вскользь: «Я предоставил Корри возможность изложить Никсону свои взгляды». Киссинджер также пишет, что беседа якобы состоялась тремя днями позже, 15 октября, хотя Корри утверждает, что телеграммы, а также билеты показывают: встреча, на которую его вызвали, прошла рано утром 12 октября.

Выступив с прямым предостережением Киссинджеру и Никсону, Корри бросил гаечный ключ в механизм «Второго пути». Теперь президент и его ведущий советник, в случае если бы что-то пошло не так, уже не могли заявить, что были не в курсе относительно деятельности ЦРУ. На самом деле, секретность «Второго пути» позволяла Белому дому, не боясь разоблачений, действовать в Чили. Кроме этого, только крайне ограниченный круг ключевых руководителей ЦРУ — лиц, лояльность которых была несомненна — знали о том, что в процесс лично вовлечены два высших должностных лица в руководстве страны.

По мнению Корри, в следующие несколько дней были сделаны тщательно срежиссированные шаги, целью которых было убедить его и других высокопоставленных сотрудников администрации в том, что ЦРУ не занималось тайным планированием какого-либо заговора 13 октября. Если верить записям в журнале посетителей Белого дома, Карамессинес был вызван на утреннюю встречу с Никсоном, Киссинджером, Алексисом Джонсоном и Лэйрдом. Лэйрд был не в курсе относительно «Второго пути», в его присутствии не могли обсуждаться вопросы, связанные с планированием переворота. В случае будущих расследований Лэйрд мог бы подтвердить этот факт под присягой. В своих показаниях перед комитетом сената по разведке Карамессинес вспоминал: по окончании встречи Никсон отвел его в сторону и повторил (в ходе встречи он уже делал аналогичное заявление), что «совершенно необходимо сорвать выборы Альенде на пост президента». Карамессинес понял смысл сказанного, о чем он позже и сообщил в комитете, движение по «Второму пути» продолжалось.

На следующий день, 14 октября, «Комитет 40» провел новое заседание. На нем присутствовали Корри и Чарльз Мейер, приглашенные Джонсоном (совершенно очевидно, с предварительного одобрения Киссинджера), и Карамессинес, замещавший Хелмса. Корри вспоминает, что большая часть встречи, проходившей в ситуационном центре Белого дома, была посвящена тому, как строить отношения с Чили в период «после Альенде». Характерно, что Корри был первым, кто поднял вопрос о военном перевороте. Он взял слово после Карамессинеса, представившего комитету довольно разочаровывающие разведывательные прогнозы. Корри, по его словам, «мимоходом» затронул слухи относительно Вио, и повторил, как и за два дня до этого в разговоре с президентом, что «шансов на военное восстание нет». В течение

сорокапятиминутного заседания Киссинджер, в основном, хранил молчание. Корри позже пришел к заключению, что Киссинджер тщательно срежессировал встречу и пригласил на нее Корри, поскольку «он (Киссинджер) хотел, чтобы я взял на себя ответственность сказать, что переворота не будет — с тем, чтобы его самого позднее не обвинили в трусости». Двумя днями ранее, в ходе их короткой встречи перед беседой с Никсоном, по словам Корри, Киссинджер попросил его составить совершенно секретный меморандум, описывающий медлительность государственного департамента в принятии мер против Альенде. В тот раз Киссинджер утверждал, что этот меморандум хотел получить Никсон. Корри понял, что это не так. Киссинджер, опасаясь того, что избранию Альенде помешать не удастся, искал аргументы для оправдания своих действий перед президентом. Позднее Корри с большой горечью описывал роль Киссинджера: «Его интересовало не Чили, а то, кого и в чем будут потом обвинять. Ему хотелось, чтобы я принял удар на себя. Генри не хотел, чтобы его имя как-то связывалось с провалом, и он готовил документы, чтобы обвинить во всем государственный департамент. Он привел меня к президенту, потому что хотел, чтобы я сказал то, что должен был сказать о Вио. Он хотел, чтобы мягкотелым оказался я. У него не было смелости сказать президенту: «Смотрите, мы увязли по самые уши. Давайте выбираться отсюда».

В официальном протоколе заседания от 14 октября, предоставленном в комитет сената по разведке, цитируется высказывание Карамессинеса, назвавшего Вио «единственным человеком, который, похоже, готов попытаться провести переворот, и... его шансы на успех крайне малы». Карамессинес добавил, что Вио «непредсказуем». Протокол также цитирует замечание Киссинджера о том, что «в настоящий момент, как представляется, у Соединенных Штатов крайне скромные шансы изменить ситуацию в Чили в какую-либо сторону».

Такая политика двойных стандартов явно повлияла на ситуацию. Очевидно, что перед Киссинджером и Никсоном замаячила мрачная альтернатива. Любые насильственные действия со стороны Вио несли большой риск того, что участие ЦРУ в подготовке заговора против Альенде будет раскрыто. Теперь к ним добавился другой, намного более серьезный аспект: возможное раскрытие факта участия самых высокопоставленных сотрудников Белого дома.

Все имеющиеся у нас свидетельства говорят о том, что решение перенести основные усилия с Вио на группу Валенсуэлы было принято на следующий

день, 15 октября, в ходе прошедшего в Белом доме решающего совещания по чилийской проблеме. Вимерт уже в течение нескольких дней сообщал о том, что им установлены крепкие связи с Валенсуэлой и другими заговорщиками, и он убежден, говорилось в докладах Управлению (и, как полагал Вимерт, Пентагону), что они были готовы провести переворот — с намного большими шансами на успех, чем любая операция, предложенная Вио. 14 числа Вимерт получил впечатляющий приказ, якобы подписанный генералом Беннетом: «Высшее руководство в Вашингтоне предоставляет вам полномочия предложить чилийским вооруженным силам любую, за исключением военного вторжения, поддержку их действий в любых действиях, которые они могут предпринять для предотвращения избрания Альенде 24 октября». Позже Карамессинес пояснил комитету сената по разведке, что под «высшим руководством» могли пониматься только Киссинджер или Никсон. У Беннета не было полномочий отдавать подобные распоряжения. Он также засвидетельствовал, что подобное распоряжение должно было быть составлено в Белом доме, или, по крайней мере, согласовано в офисе Киссинджера перед отправкой Вимерту.

В четверг, 15 октября, Карамессинес вновь встретился в Белом доме с Киссинджером и Хейгом. В соответствии с меморандумом о беседе, составленном самим Карамессинесом, в том виде, как он был предоставлен в сенат, высокопоставленные чиновники подробно рассматривали возможность военного переворота, сосредоточившись на Вио и Валенсуэле. В решении, явно связанном с распоряжением, отданным накануне Вимерту, Киссинджер приказал придержать Вио, убедить его отступить от своих планов. Однако другим заговорщикам — более надежной группе, возглавлявшейся Валенсуэлой — следовало обеспечить поддержку. Киссинджер закончил совещание призывом к Управлению «продолжать оказывать давление на все слабые позиции Альенде — в настоящее время, после 24 октября и после 3 ноября (дня инаугурации Альенде), а также впредь до получения новых распоряжений».

Днем позже ЦРУ направило Хекшеру телеграмму со своей трактовкой новых указаний Белого дома: «Нашей ясной и неизменной политикой продолжает оставаться свержение Альенде в результате переворота... Мы должны оказывать максимальное давление в этом направлении, используя все возможные ресурсы». Хекшер должен был предупредить Вио, чтобы тот не со-

вершал никаких самостоятельных действий, поскольку «попытка переворота, предпринятая им одним с имеющимися в его распоряжении силами, будет обречена на провал». Хекшеру также следовало «продолжать поощрять» Вио к объединению с другими силами, планирующими переворот. «Мы с большим интересом продолжаем следить за действиями Валенсуэлы и его соратников и желаем им удачи».

Решение Белого дома обратиться к Валенсуэле было, несомненно, вызвано встречей Корри с Киссинджером и Никсоном 12 октября и основано на сформулированных Корри опасностях, вытекающих из сотрудничества с Вио. Однако в основе своей политика США не изменилась: ее целью был переворот для предотвращения президентства Альенде. Следующие восемь дней ЦРУ продолжало информировать Киссинджера и Хейга о контактах с Валенсуэлой и другими заговорщиками, а те, в свою очередь, давили на Управление с тем, чтобы оно что-нибудь предприняло.

Тем не менее, в 1975 году, в своих показаниях комитету сената по разведке, Киссинджер и Хейг настаивали, что в ходе состоявшегося 15 октября 1970 года совещания с Карамессинесом они «остановили» планирование готовившегося ЦРУ переворота. Как свидетельствовал Киссинджер, после пятнадцатого числа «у ЦРУ не было собственного прямого выхода на Белый дом и... все действия, относящиеся к Чили, предпринимались в рамках деятельности «Комитета 40». «Комитет 40» не уполномочивал Управление на поиск подходов или контактов с военными, мне неизвестно ни о каких заговорах... если контакты с военными заговорщиками и продолжались, то это была полная самодеятельность, о которой я впервые слышу». Хейг подтверждает это свидетельство: «Итогом заседания (15 октября) стало понимание того, что нам лучше ничего не делать, чем делать нечто, что окажется безуспешным... По моему ощущению, я покинул заседание с впечатлением, что никаких шагов одобрено не было». Никсон в своем письменном ответе, данном в 1976 году на ряд запросов комитета, пошел даже дальше: он не знал ни о каком планировавшемся перевороте, в том числе и о «Втором пути». Он утверждал: «Я не помню, чтобы кто-либо когда-либо консультировался со мной лично о действиях ЦРУ в Чили за весь период с 15 сентября по 24 октября 1970 года». Единственным исключением, добавил он, была поступившая в середине октября от Киссинджера информация о том, что «согласно имеющимся у него докладам ЦРУ, усилия Управления заручиться поддержкой различных

групп противников избрания Альенде до сих пор были безуспешными, и, скорее всего, таковыми и останутся». Затем, по словам Никсона, он согласился с советом Киссинджера приказать ЦРУ прекратить эти попытки. Таким образом, основной идеей показаний Никсона, Киссинджера и Хейга комитету сената по разведке, было то, что во всех своих действиях против Альенде, предпринимавшихся после 15 октября, ЦРУ действовало исключительно на свой страх и риск. Сенатский комитет не предпринял никаких усилий для разъяснения совершенно явных противоречий между версиями Никсона-Киссинджера и ЦРУ.

Члены комитета сената по разведке крайне осторожно обошлись с Киссинджером, даже не рассматривая возможности того, что в своих показаниях тот мог говорить неправду. «Сенаторы перевернулись на спину и притворились мертвыми, — заметил один из сотрудников комитета, расследовавший чилийские события. — Вот что делает статус знаменитости. Когда Киссинджер прибыл для дачи показаний (в ходе закрытых слушаний), мы внезапно впустили в зал представителей прессы, а все сенаторы поднялись со своих мест и принялись с ним фотографироваться». Большинство штатных сотрудников, занимавшихся расследованием чилийского вопроса, не сомневались относительно того, кто лжет, а кто нет, но ничего не могли сделать, кроме как указывать в своих отчетах на различные несоответствия, большинство из которых свидетельствовало о конфликте между ЦРУ и Белым домом.

Освобожденный от груза свидетельств под присягой, Киссинджер в своих воспоминаниях пошел дальше в оправдании Белого дома: «Когда я 15 сентября 1970 года приказал прекратить планирование переворота, Никсон, Хейг и я полагали, что это означает конец как «первого», так и «второго пути». Штатные сотрудники ЦРУ в Чили, очевидно, решили, что приказ относится только к Вио, сочтя, что они могут совершенно спокойно продолжать взаимодействие со второй группой заговорщиков (возглавлявшейся Валенсуэлой), о которой в Белом доме ничего не было известно». Действия Управления в Чили были «непрофессиональными, разработанными в спешке и панике и сумбурно реализованными». Киссинджер мог бы еще добавить, что значительная часть панических настроений была привнесена 15 сентября Никсоном, а сумбур — опасениями Белого дома о разоблачениях, выросших из предупреждений Корри. В октябре в Сантьяго должна была пролиться кровь, и Белый дом не хотел нести за это ответственность.

В своих поздних интервью официальные представители ЦРУ с удовольствием и почти что философски отнеслись к лжи Никсона и Киссинджера. «В этой истории мы выступали мальчиками для битья, — заметил один из старших оперативников, работавших по «Второму пути», — Киссинджер и Никсон оставили нас с мешком дерьма, но в этом, в общем-то, и заключается наша работа. Не нравится — не поступай на службу».

Одной из сложностей в работе с фанатиками является их фанатизм. 17 октября 1970 года резидентура ЦРУ в Сантьяго проинформировала штаб-квартиру о том, что предостережение Белого дома было передано Вио через одного из «Чужих флагов». Вио отнесся к этому совершенно индифферентно. Он проинформировал связника, что позиция ЦРУ его абсолютно не волнует, так как он и его сторонники решили продолжать готовить переворот вне зависимости от американской поддержки. В эти последние, остававшиеся до голосования в конгрессе дни, ЦРУ отчаянно пыталось побудить Валенсуэлу к действиям, снизив, таким образом, давление на Белый дом. Для этого они «подсластили» свои предложения. Вечером 17 октября Валенсуэле пообещали три пулемета без каких-либо номеров или маркировки, шесть гранат со слезоточивым газом и 500 единиц боеприпасов для поддержки его плана похищения верховного главнокомандующего армией Чили генерала Рене Шнайдера, твердого сторонника конституционалистов, которого ЦРУ и заговорщики Валенсуэлы рассматривали в качестве преграды, останавливающей армию от попытки военного переворота.

Планом предусматривалось захватить Шнайдера, когда он будет покидать организованный для военных ужин 19 октября, и вывезти его на самолете в Аргентину. Фрей тогда подаст в отставку, один из помощников Валенсуэлы будет поставлен во главе военного правительства и распустит конгресс. Таким образом, выборы Альенде станут невозможными. В отсутствие Шнайдера шансы на то, что военные поддержат захват власти, значительно возросли.

Осенью 1970 года задачей резидентуры ЦРУ было создание в Чили «атмосферы переворота». Полученная из штаб-квартиры телеграмма от 19 октября — всего за пять дней до выборов — содержала руководящие указания: «Представляется, что для (предполагаемого) переворота еще нет надлежащего повода или оправдания, с тем, чтобы сделать его приемлемым в Чили или Латинской Америке. Возможно, необходимо создание такого повода, чтобы

поддержать возможное утверждение о том, что переворот предпринят для спасения Чили от коммунизма». Телеграмма, частично перепечатанная в отчете комитета сената по разведке, явно демонстрирует понимание ЦРУ того факта, что граждане Чили были готовы мирно встретить приход Альенде к власти.

Во второй половине того же дня Карамессинес встретился с Хейгом в Белом доме, и, как он заявил в своих показаниях сенату, проинформировал его о новом плане Валенсуэлы «весьма подробно, по той причине, что у нас не было особенно многообещающих новостей для Белого дома». Хейг, естественно, отрицал, что слышал что-либо о разработанном в последнюю минуту амбициозном плане, а Киссинджер продолжал утверждать, что «после 15 октября меня ни о чем не информировали». Киссинджер зашел настолько далеко, что сообщил сенаторам: в соответствии с записями в своем ежедневнике — который он комитету не представил — в период с 15 по 19 октября он не встречался ни с Карамессинесом, ни с Хелмсом. Это заявление не исключает совершенно очевидной возможности того, что Карамессинес, о чем он и свидетельствовал, беседовал с Хейгом, который позже и передавал содержание разговора Киссинджеру. Хейг и Киссинджер также специально подчеркивали, что ничего не знали о планах похищения генерала Шнайдера.

Вечером девятнадцатого октября группа Валенсуэлы, поддержанная несколькими бандитами Вио и вооруженная шестью гранатами со слезоточивым газом, переданными Вимертом, предприняла неудачную попытку похитить Шнайдера: генерал покинул обед не в своем служебном автомобиле. После этого давление со стороны Белого дома только возросло. Утром 20 декабря Хекшер получил срочную телеграмму, требовавшую от него доложить все, что он может, поскольку, как гласило сообщение, «штаб-квартире необходимо утром двадцатого ответить на запрос, поступивший с высшего уровня». После того, как стало известно о неудаче, Вимерта уполномочили пообещать Валенсуэле и его главному сообщнику, адмиралу, по 50 тысяч долларов из средств ЦРУ для того, чтобы они попробовали еще раз. Вторая попытка, вечером двадцатого, также окончилась неудачей. Близкое к панике состояние, охватившее резидентуру ЦРУ в Сантьяго под давлением Белого дома и вследствие неудач чилийских заговорщиков, привело к новым радикальным шагам. 22 октября Валенсуэле были переданы доставленные дипломатической почтой пулеметы без маркировки. В этот же день группа военных и бан-

дитов совершила покушение на генерала Шнайдера, не воспользовавшихся американским оружием. Ни Валенсуэла, ни его основные сообщники не присутствовали на месте преступления, однако военные суды Чили позднее установили, что люди, участвовавшие в спланированном Вио покушении 22 октября, также были задействованы в ходе организованных Валенсуэлой попыток похищения 19 и 20 октября. В итоге судебных разбирательств Вио был осужден за похищение и заговор с целью организации военного переворота, а также за его роль в убийстве Шнайдера. Валенсуэлу осудили только по обвинению в подготовке переворота.

Кто и за что конкретно отвечал в деле покушения на Шнайдера, установить невозможно. Данные, полученные комитетом сената по разведке, и заявления, позже сделанные участниками событий в беседах со мной, изобилуют противоречиями. Например, комитет перепечатал многочисленные телеграммы ЦРУ, утверждающие, что в период до выборов 24 октября Валенсуэла никаких реальных денег не получал. В то же время Вимерт в своем интервью утверждал, что лично передал Валенсуэле и адмиралу по 50 тысяч долларов. После провала попытки похищения, вспоминает Вимерт, он был полон решимости вернуть эти 100 тысяч и, таким образом, по возможности скрыть свое прямое участие в заговоре. Адмирал отдал деньги сразу и молча, а Валенсуэла сопротивлялся. Вимерту, по его словам, пришлось достать револьвер, с которым он в Сантьяго не расставался, и помахать им перед Валенсуэлой, добавив: «Если ты не вернешь деньги, я из тебя этой штукой дурь повыбью». Валенсуэла все еще колебался, «поэтому мне пришлось стукнуть его разок, после чего он пошел и принес деньги». Вся эта сцена происходила дома у Валенсуэлы. В архивах ЦРУ нет никаких данных о передаче этих денег, хотя Вимерт и настаивает, что обо всем докладывал Хекшеру.

Во всех последующих докладах, как в телеграммах ЦРУ, так и в документах комитета сената по разведке роль Валенсуэлы была минимальной. Предполагалось, что Вио и другие заговорщики в ходе неудачной попытки похищения вынуждены были застрелить Шнайдера, когда тот оказал сопротивление. Как утверждалось, увидев нападавших, генерал выхватил свой пистолет. Однако в хранящемся в Сантьяго официальном докладе, составленном сотрудником военной полиции, занимавшимся расследованием покушения, описывается расстрел. О каком-либо сопротивлении со стороны Шнейдера не упоминается. В докладе говорится, что машина Шнайдера остановилась, столкнувшись

с другим транспортным средством. После этого автомобиль «был окружен пятью неизвестными, один из которых с помощью тупого предмета, напоминающего кувалду, разбил заднее стекло, а затем выстрелил в генерала Шнайдера, поразив того в область селезенки, левое плечо и левое запястье».

Комитет сената по разведке пришел к выводу, что, поскольку при покушении не использовались пулеметы, поставленные Валенсуэле, а ЦРУ перестало оказывать Вио непосредственную поддержку, то «отсутствуют доказательства наличия плана убить Шнайдера, или того, что официальные лица США предвидели возможность его убийства в ходе похищения».

Ряд агентов ЦРУ в Чили лучше владели ситуацией. В следующие месяцы один из «Чужих флагов» — людей, видевших больше всех — испугался, что след его участия в деле Шнайдера будет тянуться за ним всю жизнь. Этого оперативника звали Брюс Макмастер. Он был профессиональным сотрудником ЦРУ, в 1950-е и 1960-е годы служил в различных странах Латинской Америки под дипломатическим прикрытием. Он был сам недоволен тем, что ему довелось видеть и делать в Чили, а также поступками Генри Слоумана. 16 февраля 1971 года он вошел в вашингтонский кабинет Джона Чарльза Мюррея, начальника мексиканского отдела Управления. Мюррей был профессиональным оперативником, имевшим репутацию честного и откровенного человека. Макмастер раскрыл перед ним историю своей работы в Чили, признав, что он, Слоуман и другие были направлены в Сантьяго, чтобы попытаться ускорить переворот. Как сообщил Мюррей два дня спустя в докладе с грифом «Совершенно секретно» своему руководству, Макмастер «утверждал, что (находясь в Чили) он якобы представлял американские бизнес-структуры, такие, как Фонд Форда, Фонд Рокфеллера и другие, не названные группы». В 1967 году Управление, после череды скандалов, связанных с использованием им в своих целях благотворительных и образовательных фондов, согласилось не использовать для прикрытия своих работающих за рубежом агентов структуры Форда, Рокфеллера и другие подобные организации.

Макмастер, родившийся у американской пары в Колумбии, рассказал Мюррею, что въехал в Чили по фальшивому колумбийскому паспорту для того, чтобы встретиться с организаторами переворота и убедить их в том, что, «представляя деловые интересы Америки, он в высшей степени заинтересован в сохранении чилийских демократических институтов». Макмастер до-

бавил, что они со Слоуманом встречались также с Вио и принимали участие в планировании операции против Шнайдера. Они выяснили, что Вио активно работал с группой правых студентов. Именно эта группа, сообщил Макмастер Мюррею, «отвечала за нападение на генерала Шнайдера с использованием пулеметов».

Основной целью меморандума Мюррея, направленного Брое, который возглавлял секретные операции в Латинской Америке, было донести опасения Макмастера относительно того, что, поскольку многие члены группы Вио после покушения находились в заключении, некоторые из них «возможно, впускают ЦРУ в действия, предпринятые против Шнайдера». Макмастер сообщил Мюррею, что он частным образом встретился за пределами Чили с одним из сообщников Вио. Тот сообщил, что «находящиеся в тюрьме изыскивают крупную сумму денег — около 250 тысяч долларов — для поддержки членов своих семей... Макмастер сказал, что нам, возможно, удастся ограничиться выплатой порядка 10 тысяч долларов каждой семье».

У Макмастера была и еще одна жалоба — на операции Слоумана на «черном рынке» во время пребывания в Сантьяго. Он обвинил своего коллегу в контрабандном вывозе из Чили одежды и украшений для своего личного обогащения, а также ввозе порнографии из США в Мексику дипломатической почтой. Всего несколькими неделями ранее Макмастер и Слоуман были друзьями, но после того, как Макмастер проиграл Слоуману в ожесточенной кулачной драке на предновогодней вечеринке в Мехико, он решил отомстить, сообщив сотрудникам органов внутренних дел Мексики о том, что Слоуман уже в течение многих лет является оперативным сотрудником ЦРУ.

Управление в течение нескольких месяцев утаивало от огласки полученный от Мюррея ворох «грязного белья», а затем скрыло его и от комитета сената по разведке. В своем позднем интервью Слоуман вскользь подтвердил, что, будучи в Сантьяго, был замешан в контрабанде, однако, по его словам, это было частью его легенды в ЦРУ. «Я всегда был человеком со стороны, — сказал он. — Везде, где бы я ни был, я жил в соответствии с легендой. Меня также знали как профессионального азартного игрока или члена мафии». Слоуман подтвердил, что о его драке с Макмастером сообщили в полицию Мехико, однако оправдал свои действия: «Он подкатился к моей старшей дочери, так что я вышиб ему зубы».

Высокопоставленные сотрудники ЦРУ были в курсе относительно стычки Макмастера и Слоумана, зафиксированной в начале 1971 года в ряде совершенно секретных докладов. Каким-то образом удалось успокоить мексиканские власти, Слоуман получил очередное продвижение по службе — несмотря на наличие серьезных вопросов к его деятельности, а также на тот факт, что стычка с Макмастером уничтожила его «крышу» в Мексике. Но что еще важнее, мог получить огласку тайный заговор против Альенде. Решив не наказывать и не увольнять обоих, в ЦРУ, возможно, руководствовались тем, что особенности характеров Макмастера и Слоумана, доведшие их до конфликта в Мехико, делали из них и хороших агентов. Официальные меморандумы, в подробностях описывающие инцидент, невольно свидетельствуют о том, какие люди нанимались Управлением для проведения нелегальной оперативной работы. О Макмастере в документах сообщалось, что он — сильно пьющий человек. Слоуман получал замечания за нарушение правил Управления о беспощадной покупке крепких спиртных напитков со складов посольств США, а также использование дипломатической почты для перевозки личных, при этом явно контрабандных вещей. Когда один из руководителей резидентуры в Мехико опрашивал Слоумана относительно некоторых обвинений со стороны Макмастера, выяснилось, что тот, как зафиксировано во внутреннем отчете, «знал многое о людях в мексиканском отделении и даже грозил это отделение потопить».

Единственным пострадавшим во всей этой истории оказался Джон Мюррей, переправлявший официальные доклады своему руководству. Мюррей, скончавшийся в 1979 году, начал свое собственное расследование, в ходе которого высокопоставленный оперативник ЦРУ рассказал ему, что в резидентуре в Сантьяго было, по крайней мере, несколько человек, понимавших, что Шнайдер не переживет попытки покушения. Мюррею сказали, что, после того как генерал Шнайдер категорически отверг предложение возглавить военный переворот для предотвращения избрания Альенде, резидентуру охватила «паника». Все опасались того, что Шнайдер из патриотических соображений может сообщить Альенде о заговоре, организуемом против него ЦРУ. Мюррей был очень удивлен, что в результате своих усилий заработал репутацию «доносчика», вследствие чего был переведен в группу с наиболее низкими перспективами служебного роста, составлявшую всего 5 процентов от общего числа сотрудников, занимавших одинаковое с ним служебное положение. Он уволился в 1976 году, не получив очередного повышения в должности и

назначения на Гаити. К тому времени он уже был смертельно болен, озлоблен и не имел ни желания, ни возможности сражаться с бюрократией.

Мюррей понимал, что расследование выводит его в наиболее секретную область деятельности ЦРУ: политических покушений, где не будет ни документов, ни свидетелей, которые рассказали бы о планах ЦРУ или указаниях Белого дома убить Альенде. В интервью со мной практически все, имевшие к этому отношение, включая «Чужие флаги», отрицали, что им было что-либо известно о подобных планах. Несколько оперативников ЦРУ признали: они слышали какие-то разговоры о покушении от враждебных Альенде чилийских офицеров, но все они были беспредметными. Существование подобных планов и давление руководства страны для их реализации признал высокопоставленный сотрудник разведывательного сообщества, чья информация о других щекотливых делах, сообщенная мне, когда я работал в Вашингтоне на газету «Нью-Йорк таймс», неизменно оказывалась достоверной. Когда этот человек в 1971 году находился в официальной поездке в Чили, он узнал о существовавших еще тогда требованиях обновлять возможные планы покушения на Альенде. В последовавших уже в Вашингтоне беседах люди из высшего руководства ЦРУ совершенно определенно сказали ему, что планирование было начато осенью 1970 года, поскольку «так хотел Генри».

Единственным вовлеченным в это дело американцем, который прямо указал на то, что у ЦРУ могли быть инструкции о покушении на Альенде осенью 1970 года, был Вимерт. Армейский офицер, он, возможно, не был настолько пропитан духом секретности, как его коллеги из ЦРУ. В разговоре, состоявшемся в 1980 году, он сказал мне, что не знал о деятельности «Чужих флагов» в Сантьяго до 1975 года, когда ему пришлось давать показания перед комитетом сената по разведке. Он сообщил мне то, в чем никогда бы не признался в 1975 году: он «пришел к выводу», что «Чужие флаги» находились в Сантьяго, чтобы организовать гибель Альенде. «Зачем еще им было там находиться?», — задал он риторический вопрос. Покушение на Альенде, сказал Вимерт, «всегда было тем, на что все надеялись. Это было бы просто идеально».

Ключевые контакты с наиболее яркими противниками Альенде проводил «Чужой флаг», которого мы назовем Роберт Ф. Это был профессиональный оперативник ЦРУ, к 1970 году вышедший в отставку. Воззвав к чувству патриотизма, его уговорили принять участие в последней операции. Чем больше он

узнавал о ситуации в Чили, тем меньше ему нравилось все происходящее. Он говорил некоторым коллегам о том, что в операции против Альенде основными были вопросы не национальной, а корпоративной безопасности. После весьма далеких от откровенности показаний, которые он дал комитету сената по разведке, Роберт Ф. изменил свое мнение и попытался, правда, безуспешно, предупредить одного из штатных сотрудников комитета о том, что «вы, ребята, настоящей истории не знаете».

Роберт Ф. получил приказ выехать на две недели в Сантьяго, установить контакт с Вио и его группой, и передать деньги. Однажды поздно вечером он встретился с Маршалом в Национальном соборе, в нескольких кварталах от президентского дворца, в центре Сантьяго. Маршал произвел на Роберта Ф. впечатление безумца, но приказ оставался приказом. Он передал деньги. Через несколько дней, приблизительно 19 октября, Маршала арестовала полиция Чили, следующие два года он провел в тюрьме. Слоуман признавал, что люди, наподобие Маршала, получали деньги, и что с ними и с «Чужими флагами» говорили о покушении. Вместе с тем, Слоуман настаивал, что чилийцев всегда предупреждали о необходимости избегать кровопролития: «Наш ответ им был «Никоим образом». В то же время, добавляет он, «если чилиец что-то задумал, остановить его невозможно».

После убийства Шнайдера резидентура ЦРУ была охвачена страхом. В частности, Вимерт вспоминает, что он вернул обратно не только заплаченные Валенсуэле 100 тысяч долларов, но и три пулемета без маркировки. Они с Хекшером быстро погрузили оружие в машину, промчались 70 миль к северу, в район курортного городка Винья дель Мар, где и выкинули пулеметы в Тихий океан. «Мы действительно спрятали концы в воду», — с усмешкой вспоминал Вимерт.

Хекшер понимал, что в случае полномасштабного расследования, которое представлялось весьма вероятным, Вио и другие заговорщики смогли бы показать, что сценарий похищения Шнайдера был изначально разработан ЦРУ. Опубликованный комитетом сената по разведке обмен телеграммами в рамках Управления, на который не обратили особого внимания, показывает, что 13 октября штаб-квартира ЦРУ запросила у Хекшера возможные планы по противодействию Шнайдеру помешать перевороту. Ответ, в соответствии с отчетом комитета поступивший в течение нескольких часов, гласил, что ру-

ководители переворота — Вио и Валенсуэла — сначала устранят Шнайдера, похитив его, а затем продолжат подготовку путча.

Убийство Шнайдера не только не обеспечило успех переворота перед выборами Альенде, но, напротив, сделало его невозможным. Чилийские военные и общество, разъяренные попыткой нарушить конституционный процесс, сплотились вокруг Альенде. В ходе состоявшегося 24 октября в конгрессе голосования он одержал легкую победу, и без каких-либо происшествий вступил в должность 3 ноября.

Через несколько дней Хекшера отозвали из посольства в Вашингтон: он пал первой жертвой неудачной попытки ЦРУ исполнить указание президента. Никсон и Киссинджер были также разъярены действиями Хелмса, который их подвел. Для Корри это была последняя должность посла, хотя он и узнал об этом только в следующем году.

Этого в своих мемуарах Киссинджер не касается. По его версии, они с Никсоном стремились положить конец всем радикальным действиям ЦРУ 15 октября, и были полны решимости «холодно, но корректно» относиться к новой администрации Альенде. Но Альенде, как пишет Киссинджер, не был настроен пойти навстречу добрым намерениям администрации Никсона. Приветствуя представителя Никсона на инаугурации, он «не сделал никаких намеков на примирительную позицию». Возможность того, что Альенде мог быть в курсе планов Белого дома применительно к своей персоне, Киссинджер даже не рассматривает.

Следующий шаг был сделан в экономической области: это была попытка поставить на колени экономику Чили и вынудить Альенде покинуть свой пост. Администрация хотела перекрыть поток финансовой помощи и займов из как можно большего числа источников. 9 декабря был выпущен меморандум по решениям в области национальной безопасности (NSDM) №93, «Политика в отношении Чили». Этот, совершенно секретный документ, никогда не публиковавшийся полностью, содержал меры «экономической войны». «В контексте холодной и корректной публичной политики в отношении Чили администрацией будут предприняты «энергичные усилия... для обеспечения понимания другими правительствами Латинской Америки того факта, что Соединенные Штаты выступают против создания в Чили коммунистического

государства, враждебного интересам США и других государств полушария, и призывают другие государства по возможности занять аналогичную позицию», — говорилось в документе.

Президент приказал предпринять шаги, имеющие целью:

«А. Максимально сократить дальнейшую финансовую помощь или гарантии частных инвестиций США в Чили, включая программу инвестиционных гарантий операций Экспортно-импортного банка;

В. Определить объемы этих сокращений и прекращения действующих гарантий и финансовых договоренностей;

С. Оказать максимально возможное давление на международные финансовые институты с целью ограничить предоставление ими кредитов и иной финансовой помощи Чили;

Д. Довести до американских бизнесменов, инвестирующих или ведущих экономическую деятельность в Чили озабоченность, которую у правительства США вызывает нынешнее правительство Чили, и политику ограничения, которую собирается проводить по отношению к Чили правительство США».

Еще документ призывал рассмотреть возможные шаги, которые могут быть предприняты, чтобы повлиять на мировые цены на медь, а также содержал приказ ввести запрет на любые новые двусторонние соглашения об экономической помощи. «Существующие соглашения будут выполнены, однако следует рассмотреть пути, которыми, при желании со стороны США, их объемы могут быть сокращены, а исполнение отложено или прервано», — говорилось в NSDM 93.

Фактически, Никсон одобрил экономическое убийство Чили. В течение следующих нескольких недель Киссинджер провел ряд межведомственных совещаний в рамках директивы NSDM 93, чтобы выработать политику экономического возмездия. Цель — добиться того, чтобы бюрократия государственного департамента выполнила указания, оставив Чили без единого доллара. «Мне это запомнилось, потому что Киссинджер фактически стал работать в чилийском отделе, — вспоминает один из ответственных сотрудников государ-

ственного департамента. — Он следил за тем, чтобы проводившаяся политика полностью соответствовала тому курсу, который он наметил с президентом. Генри демонстрировал президенту, что он возглавляет этот процесс». Прекращение финансирования было успешным — ни одна из государственных структур и ни один из кредитных банков так и не решились пойти против воли Никсона или Киссинджера. Так, например, до выборов Альенде Всемирный банк предоставил Чили займов на сумму свыше 234 миллионов долларов. После выборов ни один заем одобрен не был. Масштабный секвестр помощи был произведен в Экспортно-импортном банке и Межамериканском банке развития. Помощь Чили со стороны Агентства международного развития США, в течение большей части 1960-х годов составлявшая в среднем 70 миллионов долларов ежегодно, за три года президентства Альенде составила всего 3,3 миллиона долларов.

В своих мемуарах Киссинджер называет директиву NSDM 93, содержания которой он не приводит, «суровой, но менее категоричной и решительной, чем она представляется». Киссинджер утверждает, что, какой бы политики США не придерживались с 1970 по 1973 годы, «кредитоспособность Чили все равно бы резко сократилась». Распоряжения о свертывании финансирования были, естественно, отданы еще до того, как кредитоспособность Чили начала падать.

После инаугурации Альенде в ЦРУ полагали, что им остается выполнить еще одно президентское указание: снять его с поста главы государства. Активность деятельности по «Второму пути» в течение нескольких последующих лет была сокращена как по объему, так и по интенсивности, но она продолжалась — ее никто не отменял. Карамессинес совершенно определенно высказался об этом в своих показаниях перед сенатом: «Что касается меня, то для меня «Второй путь» никогда не заканчивался. Нам было сказано... продолжать наши усилия, быть начеку и делать все возможное, чтобы содействовать достижению целей и задач «Второго пути». Исходя из этого, не думаю, что было бы уместно говорить о том, что «Второй путь» завершился».

Уже через несколько месяцев в Сантьяго прибыл новый глава резидентуры и была развернута новая агентурная сеть. К концу 1971 года агенты почти ежедневно контактировали с чилийскими военными, и столь же часто докладывали о подготовке переворота. К этому времени резидентура также занималась

сбором информации, которая была бы необходима для военной диктатуры в дни после переворота: списки гражданских лиц, подлежащих аресту или нуждающихся в защите, а также государственных объектов, которые следовало немедленно занять. ЦРУ, понимавшее, что деятельность его сотрудников находится под пристальным наблюдением нового правительства Альенде, обратилось за помощью к своим союзникам. После официальной просьбы в Чили были переведены двое оперативников Австралийской секретной разведывательной службы (ASIS). Австралийцам объяснили, что их присутствие необходимо из-за слишком пристального внимания чилийского правительства к американцам. К 1972 году австралийцы согласились от имени ЦРУ руководить тремя агентами и отслеживать их деятельность, направляя поступающую информацию в Вашингтон. Сам факт подобной работы был выявлен после внутреннего расследования, проведенного в 1977 году правительством Австралии. Что именно делали оперативники ASIS в Чили от имени Соединенных Штатов, осталось неизвестным.

В опубликованном докладе о секретных операциях в Чили комитет сената по разведке пошел навстречу просьбе Управления подвергнуть цензуре детали операций, проводившихся после 1970 года. «Вырезанные» материалы, касались, в частности, масштабной программы по дезинформации и пропаганде, начатой ЦРУ в 1971 году с целью «стимулировать группы, готовящие военный переворот, к объединению усилий по совместным действиям против правительства». Кроме того, прошедший цензуру материал содержал данные о «долгосрочных усилиях» по сбору оперативной информации, которая была необходима для организации военного переворота. В частности, речь шла о незаконном доступе к планам действия правительства Альенде в чрезвычайных ситуациях, в том числе — в условиях вооруженного восстания. На деятельность ЦРУ в Чили в 1971 году Никсоном и Киссинджером было ассигновано свыше 3,5 миллионов долларов. К сентябрю 1973 года, когда в ходе успешного военного переворота Альенде был убит или покончил жизнь самоубийством, на организацию заговора против него ЦРУ потратило 8 миллионов долларов — так, по крайней мере, сообщалось официально. Не существует доказательств прямого участия ЦРУ в заговоре против Альенде, как и доказательств того, что администрация Никсона через третьих лиц содействовала гибели Альенде. Тем не менее, многие в Чили понимали, какой именно режим найдет поддержку у Вашингтона.